

АННА АХМАТОВА

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

АЛЕКСАНДР БЛОК

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

МАКСИМИЛИАН ВОЛОДИН

СЕРГЕЙ Есенин

БОРИС ПАСТЕРНАК

ВЛАДИМИР МАРКОВСКИЙ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ВАЛЕРИЙ БРИСОВ

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ФЕДОР СОЛОГУБ

ЗИНАИДА ГИЛЮК

МИХАИЛ КАЗМИН

ИРИНА ОДДЕВЦЕВА

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

СОФЬЯ ПАРНОК

ВЕЛНИМЕР ЗЛЕВИКОВ

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

РЮРИК ИВНЕВ

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

ВЛАДИМИР НАРБУТ

русская
поэзия
серебряного
века

АННА
АХМАТОВА

Annotation

Серебряным веком русской культуры принято считать приблизительно первые два десятилетия XX века. Но, думается, Серебряный век – явление более глубокое, выходящее за границы этого хронологического нагромождения. Серебряному веку свойственно ощущение праздника и катастрофы, предчувствия трагедии. Но не только – предчувствие. Серебро века плавилось в плавильнях великих потрясений, постигших страну. Участники Серебряного века пронесли свою творческую избранность через революцию, репрессии, войны, вознесли ее, эту избранность, на уровень вечной мировой культуры, греческой трагедии и могучего пафоса Ренессанса.

Анна Андреевна Ахматова (1889–1966) – поэт, взявший от своего времени все и отдавший ему все, поэтому именно ее книгой открывается серия.

-
- [Анна Ахматова](#)
    - [Владимир Пяст](#)
    - [В ЦАРСКОМ СЕЛЕ](#)
    - [ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ](#)
    - [ПЕСЕНКА](#)
    - [МУЗЕ](#)
    - [СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ](#)
    - [ОН ЛЮБИЛ...](#)
    - [ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ](#)
    - [ВЕЧЕРОМ](#)
    - [ОТРЫВОК](#)
    - [БЕССОННИЦА](#)
    - [8 НОЯБРЯ 1913 ГОДА](#)
    - [ВЕНЕЦИЯ](#)
    - [ГОСТЬ](#)
    -
    -
    - [9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА](#)

-
- [ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914](#)
- [БЕЛЫЙ ДОМ](#)
-
-
- [ПЕТРОГРАД, 1919](#)
- [ПРЕДСКАЗАНИЕ](#)
- [БЕЖЕЦК](#)
- [ДРУГОЙ ГОЛОС](#)
- [ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ](#)
- [ЛОТОВА ЖЕНА](#)
- [ПРИЧИТАНИЕ](#)
-
- [ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ](#)
- [НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА](#)
- [ОТРЫВКИ ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ПОЭМЫ](#)
  - [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
- [МНОГИМ](#)
- [МУЗА](#)
- [ДВУСТИШИЕ](#)
- [ПОЭТ](#)
- [ЗАКЛИНАНИЕ](#)
- [ВОРОНЕЖ](#)
- [ДАНТЕ](#)
- [КЛЕОПАТРА](#)
- [ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»](#)
- [ИВА](#)
- [РАЗРЫВ](#)
- [МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ](#)
- [НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ПОДОРОЖНИК»](#)
- [РЕКВИЕМ](#)
  - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
  - [ПОСВЯЩЕНИЕ](#)

- ВСТУПЛЕНИЕ
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
    - 1
    - 2
  - ЭПИЛОГ
- В СОРОКОВОМ ГОДУ
  - 1
  - 2. ЛОНДОНЦАМ
  - 3. ТЕНЬ
  - 4
  - 5
- НОХ: СТАТУЯ «НОЧЬ»
- ОСВОБОЖДЕННАЯ
- ЛУНА В ЗЕНИТЕ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7. ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ
  - 8
- ТРИ ОСЕНИ
- ПОД КОЛОМНОЙ
- НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ
- ЧЕРЕПКИ
- СОН

- [В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ](#)
- [ЕЩЕ ТОСТ](#)
- [В ЗАЗЕРКАЛЬЕ](#)
- [ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК](#)
- [ЛЕТНИЙ САД](#)
- [ГОРОДУ ПУШКИНА](#)
- [МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ](#)
- [ПОЗДНИЙ ОТВЕТ](#)
- [ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ](#)
-
- [НАСЛЕДНИЦА](#)
- [ПОЗДНИЙ ОТВЕТ](#)
- [НАС ЧЕТВЕРО](#)
- [ВЫХОД КНИГИ](#)
- [ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА](#)
- [СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ](#)
  - [ПЕРВАЯ](#)
  - [<ВТОРАЯ>](#)
  - [<ТРЕТЬЯ>](#)
  - [<ЧЕТВЕРТАЯ>](#)
  - [<ПЯТАЯ>](#)
  - [<ШЕСТАЯ>](#)
  - [ИЗ СЕДЬМОЙ СЕВЕРНОЙ ЭЛЕГИИ](#)
- [ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНА](#)
- [ПЕСЕНКА](#)
- [ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ](#)
- [ЧЕРЕЗ 23 ГОДА](#)
- [ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА](#)
- [ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
- [ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ](#)
  - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)

- [ПОСВЯЩЕНИЕ](#)
- [ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ](#)
- [ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ](#)
- [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
- [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
  - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
  - [ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ](#)
  - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
  - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
  - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ](#)
  - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
  -
  -
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
- [ПРОЗА О ПОЭМЕ](#)
  -
  -
  - [КСТАТИ О ПУТАНИЦЕ](#)
  - [О ПОЭМЕ](#)
  - [М. Б., ИЗ ДНЕВНИКА](#)
  - [К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ](#)
  - [О ПОЭМЕ](#)
  - [ЕЩЕ О ПОЭМЕ](#)
  - [\(ДАЛЬШЕ ПРО ПОЭМУ\)](#)
  - [ИЗ КНИГИ «БЕГ ВРЕМЕНИ»](#)
  - [ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
  - [ЕЩЕ К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ](#)
  - [ПРОДОЛЖЕНИЕ](#)
  - [К СТАТЬЕ «ПРОЗА О ПОЭМЕ»](#)
  - [ПЛАН «ПРОЗЫ О ПОЭМЕ»](#)
  - [ЕЩЕ О ПОЭМЕ](#)
  - [ОНА ШИРЕ...](#)
  - [РАБОТАЕТ ПОДТЕКСТ](#)
  - [К «ПРОЗЕ О ПОЭМЕ»](#)
  - [О РЕШКЕ](#)
  - [К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ](#)

- [ЕЩЕ О ПОЭМЕ](#)
- [ДЛЯ М<АЛИЯ>](#)
- [НОВОЕ В СПИСКЕ 1962](#)
- [О ПОЭМЕ](#)
- [В ПОЭМЕ](#)
- [ЕЩЕ О ПОЭМЕ](#)
- [ПРОДОЛЖЕНИЕ О ПОЭМЕ](#)
- [Из писем читателей о поэме](#)
- [ЕЩЕ О ПОЭМЕ](#)
- [П<ОЭМА> Б<ЕЗ> Г<ЕРОЯ>](#)
- [КЛАС<СИЧЕСКИЕ> СВЯЗИ](#)
- [СТРОФЫ, СОДЕРЖ<АЩИЕ> ТРАГ<ИЧЕСКОЕ>](#)
- [СКАЗАТЬ ДОБИНУ О ПОЭМЕ](#)
- [<ПРОЗА К ПОЭМЕ>](#)
- [IV](#)
-
- [МАСКАРАД](#)
- [III](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. INTERMEZZO](#)
-
- [<ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА>](#)
- [М. Б. ПРИМЕЧАНИЕ](#)
- [ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АВТОРА](#)
- [<...>](#)
- [МАРИНА ЦВЕТАЕВА – АННЕ АХМАТОВОЙ](#)
- [Георгий АДАМОВИЧ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
-

Анна Ахматова

Стихотворения и поэмы

Владимир Пяст ИЗ КНИГИ «ВСТРЕЧИ»

На первых же осенних собраниях Академии стала появляться очень стройная, очень юная женщина в темном наряде... Нам была она известна в качестве «жены Гумилева». Еще летом прошел слух, что Гумилев женился и – против всякого ожидания – «на самой обыкновенной барышне». Так почему-то говорили. Очевидно, от него, уже совершившего первое свое путешествие в Абиссинию, ожидалось, что он привезет в качестве жены зулуску или, по меньшей мере, мулатку; очевидно, подходящей к нему считалась только экзотическая невеста. Иначе бы, конечно, об Анне Ахматовой никому бы не пришло в голову сказать, что она – «самая обыкновенная женщина»...

Эта «самая обыкновенная женщина», как вскоре выяснилось, пишет «для себя» стихи. «Комплиментщик» Вячеслав Иванов заставил ее однажды выступить «в неофициальной части программы» заседания Академии. Я помню стихи, которые сказала Анна Ахматова, – т. е. помню, что среди них было:

У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла...

Это стихотворение, кажется, и все другие, читанные Ахматовой в тот вечер, были в скором времени напечатаны. Между тем, как слышно было, она вообще только что начала писать стихи. Дело в том, что эта «самая обыкновенная барышня» – сразу, выросши, выросла поэтессой, – и с первых шагов стала в ряды наиболее признанных, определившихся, русских поэтов. Года через два «Ахматовское» направление стало определять чуть ли что не всю женскую лирику России. Ее

«Беличья распластанная шкурка» —

как правильно говорил когда-то Викт. Шкловский, – стала «знаменем» для пришедшей поэтической поры, – послужив ключом для некоего возникающего направления... Самое слово «акмеизм», хотя и производилось, как я уже упоминал, будто бы от греческого «акмэ» «острие», «вершина», – но было подставлено, подсознательно продиктовано, пожалуй, именно этим псевдонимом-фамилией. «Ахматов» не латинский ли здесь суффикс, «ат», «атум», «этус»... «Ахматус», – это латинское слово, по законам французского языка, превратилось бы именно во французское «Акмэ», – как «аматус», в «эме», во французское имя «Aimé», а armatus – в arme.^[1]

Недавно об Анне Ахматовой выпущена книжка, превосходно изданная, в небольшом количестве экземпляров, Госиздатом. Э. Голлербах собрал несколько дюжин стихотворений, из числа тех, в которых русские поэты воспели или изобразили поэтессу. Интереснейшая у нее «иконография». Не только портреты, но и прелестные статуэтки, с замечательным изяществом воспроизводящие ее фигуру, выпущены были фарфоровым заводом. Блестящие (действительно блестящие, а не только из лести или снисхождения могущие быть так названными!) критические очерки, этюды, речи и целые книги посвящены ее творчеству. Но еще никто не вспомнил, под каким – вот парадокс жизни! – под каким скромным именем она вошла в литературу, – не вспомнил о том, что ей предшествовало по прихоти судьбы прозвание: «самая обыкновенная женщина».

Анна Ахматова осталась такой же скромной, как «вошла». С течением месяцев и лет голос и движения ее становились только тверже, увереннее, – но не теряли изначального своего характера. Так же и темные платья, которые она надевала совсем юной; так же и манера чтения, которая производила и оригинальное и хорошее впечатление с самого начала...

* * *

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,

А сердце – пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело плядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

I

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

II

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

1911

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Эта песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

1911

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,

Но конец отравленного жала,
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

1911

* * *

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною ГОЛОС ТВОЙ.

1911

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

1911

* * *

Три раза пытаться приходила.
Я с криком тоски просыпалась

И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!

1911

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

ОН ЛЮБИЛ...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

1910

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Восток голубел.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я не сразу поверил тебе.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Все как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

1911<?>

* * *

Целый день провела у окошка
И томилась: «Скорей бы гроза».
Раз у дикой затравленной кошки
Я заметил такие глаза.

Верно, тот, кого ждешь, не вернется,
И последние сроки прошли.

Душный зной, словно олово, льется
От небес до иссохшей земли.

Ты тоской только сердце измучишь,
Глядя в серую тусклую мглу.
И мне кажется – вдруг замячишь,
Изгибаясь на грязном полу.

1911

* * *

Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте...
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты —
Ведь так любезны женихи!
А этим дурочкам нужней
Сознание полное победы,
Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней...
Когда же счастья гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Все станет сразу так постыло —
В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

1914

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Так не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты в первый раз одна с любимым».

1913

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.

Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что нам, изморозь иль гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Неприменно будет в аду.

1 января 1913

* * *

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —
Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

1914

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.
Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»
Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

1912

* * *

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.
Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.

Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.
Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие розовые губы!

1913

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.

Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.
Преодо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

* * *

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,

За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: темно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

1913. Ноябрь

* * *

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.

С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

1913

* * *

М. Лозинскому

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1912

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи

О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

* * *

Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме, у дороги непроезжей,
Надо рано ставни запирать.

Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном,
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть – большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают за холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,

Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

1912. Май

БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

1912

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,

И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

1913

8 НОЯБРЯ 1913 ГОДА

Солнце комнату наполнило
Пылью жаркой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой,
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

1913

* * *

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно пляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

1913

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всем тебе удача,
Ото всех почет,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

1912

* * *

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.

Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

1912

ГОСТЬ

Все как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни одни не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

* * *

Александрю Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожней,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

1914. Январь

* * *

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

Ноябрь 1913

* * *

За узором дымных стекол
Хвойный лес под снегом бел.
Отчего мой ясный сокол
Не простившись улетел?

Слушаю людские речи
Говорят, что ты колдун.
Стал мне узок с нашей встречи
Голубой шушун.

А дорога до погоста
Во сто крат длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.

<1913>

* * *

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой,
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый – полунощника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро будешь снова молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

<1914?>

* * *

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие – поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Май 1915

Петербург

* * *

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу – зренье
Или актеру – голос и движенье,
А женщине прекрасной – красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены – и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное плумленье
И равнодушные толпы.

23 июня 1915

Слепнево

* * *

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы,
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

1914

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты? ...
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

1914

9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду —
Так твои губы нежны.

Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.

Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

1913, Царское село

* * *

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней, —
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.

1915

* * *

Н. В. Н.

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн, —
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...
Верно, мало для счастья надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

<1914>

* * *

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд игольные алмазы
К Богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

1914. Киев

* * *

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты – столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты – как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

* * *

И мнится – голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна —
За то, что первая хотела

Испить смертельного вина.

Лето 1917, Слепнево

* * *

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

1914

* * *

Не в лесу мы, довольно аукать, —
Я насмешек таких не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?

У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И плядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.

Грудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром

Начинается ледоход.

Весна 1914

* * *

Все обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный,

И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы
На ржавом чугуне ограды.

И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропею.

Октябрь 1916, Севастополь

* * *

Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.

Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки

За оградою чугуновой.

Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

1914

* * *

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

1918

* * *

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»

«Доля матери – светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.
Каждый день мой – веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.
Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».

1914

* * *

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.
Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моем веселье горьком.
А раскрашенные ярко
Прямо стали георгины
Вдоль серебряной дорожки,
Где улитки и полынь.

Так случилось: заточенье
Стало родиной второю,
А о первой я не смею
И в молитве вспоминать.

Июль 1915

Слепнево

* * *

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать —
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

1915

* * *

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне – как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1916

* * *

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.

Где венчались мы – не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.

А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город.
Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?

1915

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня.
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.
Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916

БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.

Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатою,
По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

Лето 1914

Слепнево

* * *

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что – это любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на десять лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

1915

Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.

Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.

А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить,
Ту, что мельком полюбилась.

Славы хочешь? – у меня
Попроси тогда совета,
Только это – западня,
Где ни радости, ни света.

Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред Господом отвечу.

1915

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный:
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?

При имени моем ты будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!
При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

1915

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

Петербург

* * *

Юнии Анрен

Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

Севастополь.

Декабрь 1916

* * *

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно – веселье и оно – страданье.
Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.

Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.
Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июня 1916, Слепнево

* * *

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,
И, уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.
Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник за день выручать,
И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.

1914

* * *

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И довольного, усталого
Спать ребенка уложу.

Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.

1914

* * *

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело,
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй, —
И вот сегодня снова жаркий вечер...
Как солнце низко стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука,
Мне каждый миг – торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

Весна 1917

* * *

Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо.

Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.

Февраль 1916, Царское Село

* * *

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал – истратил слишком много.
Неистоцима только синева
Небесная и милосердье Бога.

1916

* * *

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу.

1917

* * *

..
О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не смей поднять глаза к высоким небесам.

1916 <?>

* * *

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

1917

* * *

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.
И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят,
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.
Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

1917

* * *

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине,
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как Ангелы, сойдут ко мне.

1913

* * *

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.

Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной плумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

1916

* * *

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеплась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.

Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, —
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

1916

* * *

По твердому гребню сугроба
В мой белый таинственный дом,
Такие притихшие оба,

В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Январь 1917

* * *

Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.

Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды,
И небеса бледны.

Болотная русалка,
Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.

А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,
Вчера, вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,

Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задыхаться,
Скучать на островах.

Но иволга не знает,
Русалке не понять,
Как сладко мне бывает
Его поцеловать.

И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна Господня,
Прими к себе меня!

1917

* * *

Ждала его напрасно много лет,
Похоже это время на дремоту,
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную Субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

1916

* * *

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом,
И мы живем, как при Екатерине,
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

Лето 1917

* * *

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И не похожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,

И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья.

1913

* * *

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

1917

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной

Не осквернился скорбный дух.

1917

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1920

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный,
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что росой багровою
Он изнеженный лоб освежит.

1924 <?>

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

ДРУГОЙ ГОЛОС

1

Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя наложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грозный ветер окаянно воеет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И одна в доме оледенелом,
Белая лежишь в сияньи белом,
Славя имя горькое мое.

2

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди; но коршуном когтила.
Изменой первою, вином проклятья
Ты напоила друга своего.

Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника

Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

1921

* * *

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

1921

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,

А напротив – высокий клен
Красным заревом обагрён,

А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды поток.

1940 <?>

* * *

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,

Когда он вернется ко мне.

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.

Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

* * *

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.
Даже мертвые нынче согласны придти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.
Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

1922

* * *

Как мог ты, сильный и свободный,
Забить у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней,
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

1922<?>

ЛОТОВА ЖЕНА

*Жена же Лотова оглянулась позади его и стала
соляным столпом.*

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула – и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

1922–1924

ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитесь
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим – в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна – в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

1922

* * *

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах

Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

* * *

Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

1921

* * *

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?

Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось – сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

1922

* * *

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Приявши ангельский венец?
И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Июль 1921

* * *

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава, —

Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

29 августа 1921, Царское Село

* * *

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь.
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

1921

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты плянут
Мои полузакрытые глаза.
Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.
Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред, —
Затем, что он пронижет жгучим ядом
Ваш благодостный, ваш радостный союз;
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

1921

* * *

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь. Бог с тобой.

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.

1921

* * *

А Смоленская нынче именинница.
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.

Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

1921

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Да, я любила их, те сборища ночные, —
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

1917

2

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет
И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.
А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.

1917

3

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,

Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где у креста, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать последнего суда.

1917. Январь

* * *

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

1921

* * *

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной,
Уверенно в дверь постучится

И, прежний, веселый, дневной,

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил»,
Не будет ни страшно, ни больно.
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

1921

* * *

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит.
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

1921

* * *

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах, —
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

1916

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.
Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем Новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?
Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»
А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»
Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвили: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».

1923

* * *

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

1925

**ОТРЫВКИ ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ
ПОЭМЫ
«РУССКИЙ ТРИАНОН»**

I

В ЦАРКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

(Девяностые годы)

В тени елизаветинских боскетов
Гуляют пушкинских красавиц внучки
Все в скромных канотье, в тугих корсетах,
И держат зонтик сморщенные ручки.
Мопс на цепочке, в сумочке драже
И компаньонка с Жип или Бурже.

II

Как я люблю пологий склон зимы,
Ее огни, и мраки, и истому,
Сухого снега круглые холмы
И чувство, что вовек не будешь дома.
Черна вдали рождественская ель,
Кричит ворона, кончилась метель.

III

И рушилась твердыня Эрзерума,
Кровь заливала горло Дарданелл...
Но в этом парке не слышали шума,
Лишь ржавый флюгер вдалеке скрипел.
Но в этом парке тихо и угрюмо
Сверкает месяц, снег алмазно бел.

IV

Прикинувшись солдаткой, выло горе,
Как конь, вставал дредноут на дыбы,
И ледяные пенные столбы
Взбешенное выбрасывало море —
До звезд нетленных – из груди своей,
И не считали умерших людей...

На Белой Башне дремлет пулемет,
Вокруг дворца гусарские разъезды,
Внимательные северные звезды
(Совсем не те, что будут через год),
Прищурившись, глядят в окно Лицея,
Где тень его над томом Апулея.

<1925–1940>

МНОГИМ

Я – голос ваш, жар вашего дыханья,
Я – отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, —
Ведь все равно я с вами до конца.
Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят – нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...
Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь – забытой быть.

1922

* * *

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят.

1924

* * *

Конечно, мне радости мало
Такая сулила гроза,
Зато я случайно узнала,
Какие у счастья глаза...

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

* * *

Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

Кисловодск

1927

* * *

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1928

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Входил со мною на крыльцо.

1929

ДВУСТИШЕ

От других мне хвала – что зола.
От тебя и хула – похвала.

1931

ПОЭТ

(Борис Пастернак)

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.
В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.
Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибором
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоем,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.
И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.
И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец...

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф, —
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

19 января 1936

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, —
Приди ко мне ужинать.

1935

* * *

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,

По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1935

Фонтанный Дом

* * *

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в доме твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там – в сумраках чужих?
Шереметьевские липы...
Перекличка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Чёрный шепоток беды —
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он – твой уют?»

1936

ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталам я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским – вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

1936

* * *

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы – той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,

Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем – не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебязья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравнивается доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

1938

* * *

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком – любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева

Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1933

ДАНТЕ

Il mio bel San Giovanni.

Dante^[2].

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы...
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

1936

КЛЕОПАТРА

*Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.*

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотой,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя – как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»
Но шеи лебязьей все так же спокоен наклон.
А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете – еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

1940

* * *

Так отлетают темные души...
– Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком —
Ты никаким ведь не связан сроком,

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?

Ты уж другой или третий? – «Сотый!»

– А голос совсем такой, как прежде.

– Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот – не рада.

Мне ничего на земле не надо,

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.

Скоро я выйду на берег счастливый:

И Троя не пала, и жив Эабани,

И все потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,

Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? – то с гор возвращается стадо?

Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с дарами?

А звезды на небе, а ночь над горами...

Или сзывают народ на вече? —

«Нет, это твой последний вечер!»

ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом
Феерией grand-gala...^[3]

От дома того – ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

Ты неотступен, как совесть,

Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

Осень 1940

*И дряхлый пук дерев.**Пушкин*

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И – странно! – я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... как будто умер брат.

1940

* * *

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

1940

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы – годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.
Нам, исступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

1944

3. ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, —
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

1934

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой расцвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, – разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

3—10 марта 1940

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ПОДОРОЖНИК»

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны, —
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.
Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой предел.
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,
И была жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

1941

РЕКВИЕМ

*Нет! и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957 г.

Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

1

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Осень 1935

Москва

2

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

3

Нет, это не я, это кто-то другой страдает,
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1939

4

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там

Неповинных жизнью кончается...

1938

5

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6

Легкие летят недели.
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые пядели,

Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939

7

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

22 июня 1939

8

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?
Я жду тебя – мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.

Иль сказочкой, придуманной тобой

И всем до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939

Фонтанный Дом

9

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою)!

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,

Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940

Фонтанный Дом

10
РАСПЯТИЕ

*«Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящи»*

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

1938

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940

Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выплывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,

Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною, ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать громахание черных марушь,
Забывать, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

Март 1940

Фонтанный Дом

* * *

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

* * *

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других,—
Когда уже совсем неинтересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,
И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге,
Но вот сейчас, сейчас
Всё кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит – прости его Господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —

По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,

Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И, говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

25 ноября 1943

Ташкент

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.

Сентябрь 1941

В Сороковом году

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот – над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

2. ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира

Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать, —
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

3. ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет,
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда – ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя – красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.
Все тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.

И что там в тумане – Дания,
Нормандия или тут
Сама я бывала ранее,
И это – переиздание
Навек забытых минут?

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

НОХ: СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой.
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942, Ташкент

* * *

Справа раскинулись пустыри,
С древней, как мир, полоской зари.

Слева, как виселицы, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелою месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это – из жизни не той и не той,
Это – когда будет век золотой,

Это – когда окончится бой,

Это – когда я встречу с тобой.

29 апреля 1944

Ташкент

ОСВОБОЖДЕННАЯ

Чистый ветер ели колышет,
Чистый снег заметает поля.
Больше вражьего шага не слышит,
Отдыхает моя земля.

1945

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твоё святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летеиских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленьё
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пеньё,
И библейских нарциссов цветеньё,
И незримое благословеньё
Ветерком шелестнет по стране.

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик – гранатовый куст.

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

7. ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла, —
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

Как в трапезной – скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
Все равно...
И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

Ташкент.

1942–1944

ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невняты улыбки,
И тайны в зиме не найду.
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.
И первая – праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно ключья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Всё влажно, пестро и светло.
И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.
Но эта бывает – чуть начата повесть.
Секунда, минута – и вот
Приходит вторая, бесстрашна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.
Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,
И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Закрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось – и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

6 ноября 1943

Ташкент

ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река, —
Всё бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1 сентября 1943

Ташкент

На Смоленском кладбище
А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!
...
Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.
Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...

1942

Дюрмень

* * *

Какая есть. Желаю вам другую.
Получше.
Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слушала звонки!

Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...

Над Азией – весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы, с неподвижностью святою?
О, что мне делать с этими людьми?
Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих – безутешная вдова.

Седой венец достался мне не даром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдальце Марине, —

Придется мне напиться пустотой.
И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне недолго мучиться загадкой, —
Чья там рука под белую перчатку
И кто прислал ночного пришлеца.

1942. Ташкент

* * *

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

1921

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. В-ой

Дымное исчадье полнолуния,
Белый мрамор в сумраке аллея,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

1946

ЧЕРЕПКИ

You cannot leave your mother an orphan.

Joyce^[4].

I

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды
Как под тронным стою балдахином...

II

Вот и dospорился, яростный спорщик,
До енисейских равнин...
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он – единственный сын.

III

Семь тысяч три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод.

Там дичаешь, звереешь – ты, милый! —
Ты последний и первый, ты – наш.
Над моей ленинградской могилой

Равнодушная бродит весна.

IV

Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.
Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть...
И мне в сумасшедшей палате
Валяться – великая честь.

V

Вы меня, как убитого зверя
На кровавый подымете крюк,
Чтоб хихикая и не веря
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах,
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.

<1950?>

* * *

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь

Я прожила под знаменитой кровлей
Фонтанного дворца... Я нищей
В него вошла и нищей выхожу...

1952

СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим, —
А мне в ту ночь приснился твой приезд.
Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.
И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты весть такую
Мне в годовщину страшную отдать!
Чем отплату за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956

* * *

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, —
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,

И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

1956

* * *

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт, —
Тень призрака тебя и день, и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Все было в трауре, все никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей, как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала – сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

1956

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
Я слушала в тот вечер звездный,
И закружилась голова,
Как над пылающею бездной.
И гибель выла у дверей,
И ухал черный сад, как филин,
И город, смертно обессилен,
Был Трои в этот час древней.
Тот час был нестерпимо ярк
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалека вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
И стал он медленной отравой
В моей загадочной судьбе.
И он всех бед моих предтеча, —
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

1956

* * *

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни

Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда – наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

Москва.

1963

* * *

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

* * *

...А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет, —
Уже бредет как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...
Боже, Боже, Боже!
Как пред тобой я тяжко согрешила!
Оставь мне жалость хоть...

13 января 1945

* * *

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

Комарово.

1962

ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою! И за верность мою!
За то, что с тобою мы в этом краю!
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...
За то, что все плыло, беззвучно скользя.
За то, что нам видеть друг друга нельзя.

1961–1963

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

*O quae benavyatam, Diva,
tenes Cyprum et Memphim...*

Hor[5].

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

Комарово.

5 июля 1963

ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.
Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

2

Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала течение годов. —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

1957

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

1960

ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

М. И. Цветаевой

Белорученька моя, чернокнижница...
Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах? —
То забьешься в дырявый скворечник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина
И разграблен родительский дом».
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем.
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

16 марта 1940 г.

Фонтанный Дом

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, всё в росе,
И небо забирается высоко, —
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

2

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

3

Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —

Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

1944–1960

* * *

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и плохла и слеpla,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

1957

* * *

*Вижу я,
Лебедь тешится моя.*

Пушкин

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.

Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?

Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.

Смерть стоит все равно у порога,
Ты гони ее или зови.
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови.

А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.

Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни.
В остальном я сама разберусь.

НАСЛЕДНИЦА

От царскосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

1959

* * *

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гремит.

1959

И юностью манит, и славу сулит,
Так снова со мной сатана говорит:
«Ты честью и кровью платила своей
За пять неудачно придуманных дней,
За то, чтобы выпить ту чашу до дна,
За то, чтобы нас осветила луна,
За то, чтоб присниться друг другу опять,
Я вечность тебе предлагаю, не пять
До света тянувшихся странных бесед.
Ты видишь – я болен, растерзан и сед,
Ты видишь, ты знаешь – я так не могу».
Я руку тогда протянула врагу,
Но он превратился в гранатовый куст,
И был небосклон над ним огнен и пуст.
Горы очертания – полночь – луна,
И снова со мной говорит сатана,
И, черным крылом закрывая лицо,
Заветное мне возвращает кольцо.

Но стонет и молит: «Ты мне суждена,
О, выпей со мною хоть каплю вина».

К чему эти крылья и это вино, —
Я знаю тебя хорошо и давно,

И ты – это просто горячечный бред
Шестой и не бывшей из наших бесед.

1960

Другие уводят любимых, —
Я с завистью вслед не пляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижусь.
Вокруг пререкания и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И в тех пререканьях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили: виновна она.
Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...
А где-то темнеет от зноя
Огромный небесный простор,
И полное прелести лето
Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я плохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960

ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

М. И. Цветаевой

Белорученька моя, чернокнижница...
Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах,
То забьешься в дырявый скворечник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разрушен родительский дом».
Мы с тобою сегодня, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

Март 1940

НАС ЧЕТВЕРО

Комаровские наброски

Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены.
О.М.
Таким я вижу облик Ваш и взгляд.
Б.П.
О, Муза Плача.
М.Ц.

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – этот только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это – письмо от Марины.

ВЫХОД КНИГИ

(Из цикла «Тайны ремесла»)

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт – приветливый хозяин,
Читатель – благосклонный гость.

Один ведет гостей в хоромы,
Другой – под своды шалаша,
А третий – прямо в ночь истомы,
Моим – и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет – какое чудо,
Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

13 августа 1961

Комарово

* * *

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы, —
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте», —
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже *это* мне не трудно.

1961

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.

И. Бродский

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

1962

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Всё в жертву памяти твоей...

Пушкин

ПЕРВАЯ

Предыстория

Я теперь живу не там...

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «Andre»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки – тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут – Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,

Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...)
Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все различно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене – рулетка.
И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни...
Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.
Так вот когда мы вздумали родиться
И безошибочно отмерив время.
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

3 сентября 1940. Ленинград

Октябрь 1943. Ташкент

<ВТОРАЯ>

О десятих годах

*Ты – победительница жизни,
И я – товарищ вольный твой.*

Н. Гумилев

И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетей, и страшных дядей, и даже
Приятелей среди камешков речных.
Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь.
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина.
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить
И тем сильнее хотелось пробудиться.
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит

Таким, как я, – но длилась пытка счастьем.

4 июля 1955

Москва

<ТРЕТЬЯ>

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены.
и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, —
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за полночь старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступеньки,
Как о пощаде жалостно моля.

И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё, — скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921

Царское Село

<ЧЕТВЕРТАЯ>

Так вот он – тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо – как пылающая бездна,

И звуки города – как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет – пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это все случилось много раз,
И не со мной одной – с другими тоже, —
И даже хуже. Нет, не хуже-лучше.
И голос мой – и это, верно, было
Всего страшней-сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...
Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942

Ташкент

<ПЯТАЯ>

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.*

Тютчев

Н.А.О-ой

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ошупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...

Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее ими носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.

Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом – это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...

..

Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

2 сентября 1945

Фонтанный Дом

(задумано еще в Ташкенте)

<ШЕСТАЯ>

*Последний ключ – холодный ключ
забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.*

Пушкин

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая-как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли

Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Всё к лучшему...

5 февраля 1945

Фонтанный Дом

ИЗ СЕДЬМОЙ СЕВЕРНОЙ ЭЛЕГИИ

...А я молчу – я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу.
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно...
Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричать
Оно могло бы и, подобно чуду,
Оно на все кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже! —
Кто мог придумать мне такую роль!
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей —
О Господи! – мне хоть на миг позволь!
И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла,
Как следует – в ту самую минуту.
Мое молчанье в музыке и в песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах —
В том, что неизвестней
Всего на свете.

Я и сама его подчас пугаюсь,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня, дыша и надвигаясь:
Защиты нет, нет ничего – скорей!

Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце и каким огнем,
Подумаешь! – кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем.

Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое.
Оно почти мою сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.

Июнь 1958 – 1964

Ленинград.

Красная Конница

ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНА

Это те, что кричали: «Варраву
Отпусти нам для праздника», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

<1962?>

* * *

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупко мерял,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душевной изнывала я истоме,
Задышалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»

30 июня 1963

ПЕСЕНКА

А ведь мы с тобой
Не любилися,
Только всем тогда
Поделилися.
Тебе – белый свет,
Пути вольные.
Тебе зорюшки
Колокольные
А вне ватничек
И ушаночку.
Не жалея меня,
Каторжаночку.

* * *

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад – не сад, и дом – не дом,
Свиданье – не свиданье.

* * *

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная

И несоленая вода.
На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.
А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

Отрывок

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну, ладно, ладно, по рукам».
А облака – ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре – шиповник,
И ты приснился мне – один
Всех бед моих виновник.

1962. Комарово

* * *

Так уж глаза опускали,
Бросив цветы на кровать,
Так до конца и не знали,
Как нам друг друга назвать.
Так до конца и не смели
Имя произнести,
Словно замедлив у цели
Сказочного пути.

25 февраля <1963>

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи.
Мой окончен волшебный вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи,
И, увы, прокурорские речи
Все уходят – мне снишься Ты!
Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом.
Голос твой из недр темноты.

И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне как прежде – «Ты».

13 мая 1963.

Комарово

* * *

И было этим летом так отратно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине почти что виноградной
И в яви, отработанной под сон.

И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существованья моего.

И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз

Несу с собой, как ощущение чуда,
Что...

21 августа 1963.

Будка. Утро

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ДНЕВНИКА

Мы по ошибке встретили Год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
С кем еще мы поменялись судьбой?
Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летали, как птицы, цвели, как цветы,
Но все равно были — я и ты.

1964

* * *

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета.

* * *

Не в таинственную беседку
Поведет этот пламенный мост:
Одного в золоченую клетку,
А другую на красный помост.

5 августа 1965

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛІ

*«В санех сидя, отправляясь
путем всея земли...»*

Поучение Владимира Мономаха детям

Прямо под ноги пулям,
Расталкивая года,
По январям и июлям
Я проберусь туда...
Никто не увидит ранку,
Крик не услышит мой,
Меня, китежанку,
Позвали домой.
И гнались за мною
Сто тысяч берез,
Стеклянной стеною
Струился мороз.
У давних пожарищ
Обугленный склад.
«Вот пропуск, товарищ,
Пустите назад...»
И воин спокойно
Отводит штык.
Как пышно и знойно
Тот остров возник!
И красная глина,
И яблочный сад...
О, salve, Regina!^[6]
Пылает закат.
Тропиночка круто
Взбиралась, дрожа.
Мне надо кому-то
Здесь руку пожать...
Но хриплой шарманки
Не слушаю стон.
Не тот китежанке
Послышался звон.

Окопы, окопы —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретила с Музой
Ей клятву даю.
Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» – Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во все посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.

Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
Столицей распятой
Иду я домой.

Черемуха мимо
Прокралась, как сон.
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,
Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!»

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход...
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених, —
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.

10—12 марта 1940

Фонтанный Дом

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Триптих

(1940–1965)

Deus conservat omnia.^[2]

Девиз на гербе Фонтанного Дома

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече...

Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) – «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943

Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ – писахъ».

Ноябрь 1944

Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940

Вс. К.

...
...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя^[8]
Вдруг поднялись – и там
зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...

Не море ли?
Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Все ближе, ближе...
Marche funèbre...^[9]
Шопен...

Ночь

Фонтанный Дом

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея,^[10]
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
она одна надо мною.
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.
Сплю —
мне снится молодость наша,
Та, его миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945

Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ (Le jour des rois)^[11]

Раз в Крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...

Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений —
Он погибель мне принесет.

5 января 1956

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941

Осажденный Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Петербургская повесть

*Di rider finirai
Pria dell' aurora.*

Don Giovanni^[12].

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.*

1914

С Татьяной нам не ворожить...

Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.
Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отравя, жжет».^[13]
Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,

А часы все еще не бьют...
Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют.
И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:
«Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»
Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто, ^[14] Иоканааном, ^[15]
Самый скромный – северным
Гланом,
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.
А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены
И, как купол, вспух потолок.
Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной маски,
Я еще пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно все:
Не ко мне, так к кому же? ^[16]
Не для них здесь готовился ужин,

И не им со мной по пути.
Хвост запрягал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако
Я надеюсь. Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?
Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.
Общий баловень и насмешник,
Перед ним самый смрадный
грешник —
Воплощенная благодать...
Веселиться – так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какую была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата^[17]
Снова встретиться не хочу...
Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! —
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.
Б Звук шагов, тех, которых нету,
Е По сияющему паркету
Л И сигары синий дымок.

Ы И во всех зеркалах отразился
Й Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
З Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей,
А И в руке его теплота.
Гость из Будущего! – Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Л Повернув налево с моста?
С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «без лица и названья»
Затесалась...

Откроем собранье
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
Постой,
Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках,^[18] —
Полосатой наряжен верстой, —
Размалеван пестро и грубо —
Ты...

ровесник Мамврийского дуба,^[19]
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны^[20]
У тебя поучиться должны.
Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему
вереску,

По пустыням свое
торжество.
И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета^[21]
Или согнуться!..
Да что там! Про это
Лучше их рассказали стихи.
Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна и длится, длится —
Петербургская чертовня...
В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, пряна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...
Крик:
«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Непременно выйдет сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою.
Но ты будешь моей вдовою.
Ты – Голубка, солнце, сестра!»*

*На площадке две слитые тени...
После – лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» – и в отдаленье
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

*Факелы гаснут, потолок опускается.
Белый (зеркальный) зал^[22] снова делается комнатой автора.
Слова из мрака:*

Смерти нет – это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть – пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?
Бледен лоб и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! – От такого вздора
Я седею сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!

*За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.*

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ
Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...»
«На Исакьевской ровно в шесть...»
«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в «Собаку»...»^[23]
«Вы отсюда куда?» —
«Бог весть!»
Санчо Пансы и Дон-Кихоты
И, увы, содомские Лоты^[24]
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного Грота,^[25]
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.
Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова Madame de Lamballe,
А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince
Carnaval?»^[26]

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется. Она же (а может быть – ее тень):

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.
А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?*

1913

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина. другим – Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном аранчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснусь я этого кубка:
Не тебя, а себя казню.
Все равно подходит расплата —

Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню.
А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил), —
В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинскою сценой prima,
Ты – наш лебедь непостижимый, —
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, —
Ужас, смерть, прощенье, любовь...
Ни на что на земле не похожий,
Он несется, как вестник Божий,
Настигая нас вновь и вновь.
Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских Коллегий^[27]
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).
До смешного близка развязка;
Из-за ширм Петрушкина маска^[28]
<Вариант: Через Неву за пятак на салазках.>,
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...
Все уже на местах, кто надо;
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет... Признак цусимского ада

Тут же. – Пьяный поет моряк...
Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья...
Мимо, тени! – Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице —
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Всё таинственно в прищлеце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты – Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе – без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту*

Мне трудней, чем смерть, превозмочь.

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей,
Здесь под музыку дивного мэтра —
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»^[29]
Горы пармских фиалок в апреле —
И свиданье в Мальтийской капелле,^[30]
Как проклятье в твоей груди.
Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?
Мне ответь хоть теперь:
неужели
Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?..
Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амурь
Охраняют Венерин алтарь.
Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь.^[31]
В стенах лесенки скрыты витые,

А на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро...
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро, —
Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали – магнит.
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Ты не бойся – дома не мечу, —
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ведь под аркой на Галерной...

А. Ахматова

*В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.*

О. Мандельштам

То был последний год...

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей*

*В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять^[32] мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

*Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.*

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамини. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

*Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма? —
«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле,
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога*

И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «**без лица и названья**»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косоое пламя костра
Он увидел. – Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты – Голубка, солнце,
сестра! —
Я оставлю тебя живую,
Но ты будешь **моей** вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»
На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он – на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя Бог!

*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*

Это я – твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, —
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК —
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ —
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕШКА

*...я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.*

Пушкин

In my beginning is my end.

T. S. Eliot^[33].

Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 г. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

*...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.*

Н. К.

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,

Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А Другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон – это тоже вещьца,
Soft embalmer, [\[34\]](#) Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издали заслышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальной полночью римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухой землей набит.

X

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка»,
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не услышать ее врагу.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и казни – петь я
В этом ужасе не могу.

XI

И особенно, если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду – город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...

Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. Повертье,
Вижу их, что ни ночь, во сне.
Отлучить от стола и ложа —
Это вздор еще, но негоже
Выносить, что досталось мне.

XIII

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стопятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспмятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы, увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит – Судьба.

XVI

Не боюсь ни смерти, ни срама,
Это тайнопись, криптограмма,
Запрещенный это прием.
Знают все, по какому краю
Лунатически я ступаю
И в какой направляюсь дом.

XVII

Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.^[35]

XVIII

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я – тишайшая, я – простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

XIX

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

XX

Но признаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

XXI

Чтоб посланец давнего века
Из заветнейших снов Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,

Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

XXII

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XXIII

А столетняя чаровница^[36]
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

XXIV

Я пила ее в капле каждой
И бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой^[37]
И гнала на родной чердак^[38] —

XXV

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира^[39]
Разрывали бездну эфира
И факел Георг^[40] держал.

XXVI

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль,^[41]
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

XXVII

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

5 января 1941

Фонтанный Дом; в Ташкенте и после

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему...

<Евдокия Лопухина>

*Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье!

Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного все как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,

Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью тянет он.
Но земля под ногой гудела,
И такая звезда^[42] глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там – у Тобрука,
Это где-то здесь – за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...

* * *

*А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей —
Я не знаю, который год, —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:*

*За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.*

* * *

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле, [\[43\]](#)
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Все, что сказано в Первой части
О любви, измене и страсти
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой – лишь твоих прелестниц,

Белых ноченек хоровод.
А веселое слово – дома —
Никому теперь незнакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький —
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?»^[44] кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

И себе же самой навстречу,
Непреклонно в грозную сечу,

Как из зеркала наяву, —
Ураганом – с Урала, с Алтая
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасать Москву.^[45]

ПРОЗА О ПОЭМЕ

из письма к NN

<1>...Вы, зная обстановку моей тогдашней жизни, можете судить об этом лучше других.

Осенью 1940 года, разбирая мой старый (впоследствии погибший во время осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною («Бес попутал в укладке рыться»). Они относились к трагическому событию 1913 года, о котором повествуется в «Поэме без героя».

Тогда я написала стихотворный отрывок «Ты в Россию пришла ниоткуда» в связи с стихотворением «Современница». Вы даже, может быть, еще помните, как я читала Вам оба эти стихотворения в Фонтанном Доме в присутствии старого шереметевского клена («а свидетель всего на свете...»).

В бессонную ночь 26–27 декабря этот стихотворный отрывок стал неожиданно расти и превращаться в первый набросок «Поэмы без героя». История дальнейшего роста поэмы кое-как изложена в бормотании под заглавием «Вместо предисловия».

Вы не можете себе представить, сколько диких, нелепых и смешных толков породила эта «Петербургская повесть».

Строже всего, как это ни странно, ее судили мои современники, и их обвинения сформулировал в Ташкенте X., когда он сказал, что я свожу какие-то старые счеты с эпохой (10-е годы) и людьми, которых или уже нет, или которые не могут мне ответить. Тем же, кто не знает некоторые «петербургские обстоятельства», поэма будет непонятна и неинтересна.

Другие, в особенности женщины, считали, что «Поэма без героя» – измена какому-то прежнему «идеалу» и, что еще хуже, разоблачение моих давних стихов «Четки», которые они «так любят».

Так в первый раз в жизни я встретила вместо потока патоки искреннее негодование читателей, и это, естественно, вдохновило меня. Затем, как известно каждому грамотному человеку...^[46] я совсем перестала писать стихи, и все же в течение 15 лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь и

вновь настигала меня (случалось это всюду – в концерте при музыке, на улице, даже во сне). Всего сильнее она терзала меня в декабре 1959 года в Ленинграде – снова превращаясь в трагический балет, что явствует из дневниковых записей (13 декабря) и строфы о Блоке. И я не могла от нее оторваться, дополняя и исправляя, по-видимому, оконченную вещь.

(Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут...
Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой.)

И неудивительно, что Х., как Вам известно, сказал мне: «Ну, Вы пропали, она Вас никогда не отпустит».

Но... я замечаю, что письмо мое длиннее, чем ему следует быть, а мне еще надо...

27 мая 1955. Москва

* * *

7 июня 1958

КСТАТИ О ПУТАНИЦЕ

<2> Все, что я знала о ней до вчерашнего дня (6 июня 1958) было заглавие, портрет О.А. в этой роли, сделанный С. Судейкиным. Оригинал в Русском музее, авторская копия в Минске. Вчера мне принесли пьесу, поразившую меня своим убожеством. В числе источников поэмы прошу ее не числить.

Невольно вспоминаешь слова Шилейки: «Область совпадений столь же огромна, как и область подражаний и заимствований».

О ПОЭМЕ

<З> Эта поэма – своеобразный бунт вещей. *** вещи, среди которых я долго жила, вдруг потребовали своего места под поэтическим солнцем.

Они ожили как бы на мгновение, но оставшийся от этого звук продолжал вибрировать долгие годы, ритм, рожденный этим шоком, то затихая, то снова возникая, сопровождал меня в столь непохожие друг на друга периоды моей жизни. Поэма оказалась вместительнее, чем я думала вначале. Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев, и теперь, когда я, наконец, избавилась от нее, – я вижу ее совершенно единой и цельной. И мне не мешает, что, как я сказала в Ташкенте:

Рядом с этой идет Другая.

Красная Конница. Воскресенье. Март 1959

Вещей? – Не только вещей – и знаменитый Белый Зал через площадку по той же лестнице (раб<оты> Кваренги) принял посильное в ней участие. Там среди таинственных зеркал, за которыми когда-то прятался и подслушивал Павел I (семейный рассказ Ш<ереметев>ых со слов В.К. Шилейки), оказались неприглашенные ряженые 1941 <года>, а Фонтанный Грот из Шеремет<евского> Сада (уничт<оженный> в... году), очевидно, не первый раз возникает в бреде и оттуда фавн приносит (L'après midi и т. д.^[47]) козлоногую.

20 августа 1962. Комарово

М. Б., ИЗ ДНЕВНИКА

I

<4>...Я сразу услышала и увидела ее всю – какая она сейчас (кроме войны, разумеется), но понадобилось [почти] двадцать лет, чтобы из первого наброска выросла вся поэма.

На месяцы, на годы она закрывалась герметически, я забывала ее, я не любила ее, я внутренне боролась с ней. Работа над ней (когда она подпускала меня к себе) напоминала проявление пластинки. Там уже все были. Демон всегда был Блоком, Верстовой Столб – [чем-то вроде молодого Маяковского] Поэтом вообще, Поэтом с большой буквы и т. д. Характеры развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица. Кто-то уходил. Борьба с читателем продолжалась все время. Помощь читателя (особенно в Ташкенте) тоже. Там мне казалось, что мы пишем ее все вместе. Иногда она [поэма] вся устремлялась в балет (два раза), и тогда ее нельзя было ничем удержать. И [мне казалось] я думала, что она там и останется навсегда.^[48] Я писала <неразборчиво одно слово> некое подобие балетного либретто,^[49] но потом она возвращалась и все шло по старому.

Первый росток (первый росточек, толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, это, конечно, запись Пушкина: «Только первый любовник производит... впечатление на женщину, как первый убитый на войне...» Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу... что они навсегда слилось для меня. Вторая картина, навсегда выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (№ 1913). «Это где-то у стены», – сказала Ольга, но найти не могла. Я почему-то запомнила эту минуту *навсегда*.

17 декабря 1959 г., Ленинград

* * *

<5> Слишком большая чувствительность в поэте ныне раздражает читателя. Читатель сам хочет быть чувствительным, за двоих, потом он непрерывно помнит все, что ему пришлось испытать в жизни и его раздражают претензии поэта: потчевать читателя собственными бедами бесполезно. Этот подход к читателю устарел. Итог этого состязания предрешен, поэт уже сказал свое и его никто не спрашивает.

24 декабря 1959. Европейский Сочельник

К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ

<6> Если можно шекспировскую трагедию и пушкинскую поэму («Ромео и Джульетта» и «Мавра») переделывать в балет, то я не вижу препятствия, чтобы сделать то же с «Поэмой без героя». Что в ней присутствует музыка, я слышу уже 15 лет и почти от всех читателей этой вещи. Ряд вставных номеров подразумевается. Целая танцевальная сюита в 1-ой части. Музыка (реальную) взять у... Я уверена – она у него есть (или будет). Декорации и костюмы мог бы сделать Дм. Бушен, который был почти свидетелем многих событий 10-ых годов. (Или Юрка Анненков, который тоже кое-что помнит).

* * *

<7> Больше всего будут спрашивать, кто же – «Владыка Мрака» (про Верстовой Столб уже спрашивали), т. е. попросту черт. Он же в «Решке»: «Сам изящнейший Сатана». Мне не очень хочется говорить об этом, но для тех, кто знает всю историю 1913 г., – это не тайна. Скажу только, что он, вероятно, родился в рубашке, он один из тех, кому *все* можно. Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но если бы я это сделала, у современного читателя волосы стали дыбом.

Того же, кто упомянут в ее заглавии и кого так жадно искала в ней сталинская охранка, в [ней] Поэме действительно нет, но многое основано на его отсутствии.

Не надо узнавать его в герое «царскосельского лирического отступления» (III-я главка), а тем более не надо вводить в Поэму ни в чем не повинного графа Комаровского только за то, что он был царскоселом, [и] его инициалы В.К. и он покончил с собой осенью 1914 г. в сумасшедшем доме.

Таинственный «Гость из Будущего», вероятно, предпочтет остаться не названным, а так как он один из всех «не веет летеиской стужей», я им не заведу.

(Но ведь это нужно только для музыкальных характеристик, (как в «Карнавале» Шумана) или для совсем пустого любопытства).

Кто-то «без лица и названья» («Лишняя тень» I-ой главки), конечно, – никто, постоянный спутник нашей жизни и виновник стольких бед. ^[50]

Итак, эта шестая страница неизвестно чего почти неожиданно для меня самой стала вместилищем этих авторских тайн (признаний). Но кто обязан верить автору? И отчего думать, что будущих читателей (если они окажутся) будут интересовать именно эти мелочи. В таких случаях мне почему-то вспоминается Блок, который с таким воодушевлением в своем дневнике записывает всю историю «Песни Судьбы». Мы узнаем имена всех, кто слушал первое чтение в доме автора, кто что сказал и почему. Видно, А<лександр> А<лександрович> придавал очень важное значение этой пьесе. А я почти за полвека не слышала, чтобы кто-нибудь сказал о ней доброе или вообще какое-нибудь слово (бранить Блока вообще не принято).

26 августа 1961 Комарово

* * *

<8> Сегодня М.А. З<енкевич> долго и подробно говорил о «Триптихе»: Она (т. е. поэма), по его мнению, – Трагическая Симфония – музыка ей не нужна, потому что содержится в ней самой. Автор говорит как Судьба (Ананке), подымаясь надо всем – людьми, временем, событиями. Сделано очень крепко. Слово акмеистическое, с твердо очерченными границами. По фантастике близко к «Заблудившемуся трамваю». По простоте сюжета, который можно пересказать в двух словах, – к «Мед<ному> вс<аднику>».

2 января 1961, Москва

* * *

<9> <...> (Блок о Комиссаржевской). В.Ф. Ком<иссаржевская> голосом своим вторила мировому оркестру. Оттого ее требовательный и нежный голос был подобен голосу весны. Он звал нас безмерно дальше, чем содержание произносимых слов.

Вот эту возможность звать голосом неизмеримо дальше, чем это делают произносимые слова, Жирм<унский> и имеет в виду, говоря о «Поэме без героя». Оттого столь различно отношение к Поэме читателей. Одни сразу слышат это эхо, этот второй шаг. Другие его не слышат и просто ищут крамолы, не находят и обижаются.

Все это я сообразила очень недавно и, возможно, это и станет моим разлучением с Поэмой.

В. М. Жирмунский очень интересно говорил о поэме. Он сказал, что это исполнение мечты символистов, т. е. это то, что они проповедовали в теории, но никогда не осуществляли в своих произведениях (магия ритма, волшебство видения), что в их поэмах ничего этого нет. <...>

В наше время кино так же вытеснило и трагедию, и комедию, как в Риме пантомима. Классические произведения греческой драматургии переделывались в либретто для пантомимов. (Период империи.)

М. б., не случайная аналогия. Не то же ли самое «Ромео и Джульетта» (Прокоф<ьева>) и «Отелло» (Хачатуряна), превращенные в балет.

Итак, если слова Берк<овского> не просто комплимент, – «Поэма без героя» обладает всеми качествами и свойствами совершенно *нового и не имеющего* в истории литературы прецедента произведения, потому что ссылка на музыку не может быть приложена ни к одному известному нам лит. произведению. О музыке в связи с «Триптихом» начали говорить очень рано, еще в Ташкенте (называли «Карнавал» Шумана), но там (Ж. Санд) характеристики даны средствами самой музыки. Установление им же ее танцевальной сущности (о которой говорил и Пастернак – фигуры «Русской») объясняет ее двукратных уход в балетное либретто.

О ПОЭМЕ

<10> 1. В.М. Жирмунский. (Осенью 60 г. Комарово.)

2. Берковский говорил о моей поэме там же, тогда же, 1960. Поэма – как танец (но не «Карнавал» Шумана).

3. Пастернак о поэме (тоже танец). «Русская». Моя лирика – с платочком, отступая. Поэма, – распахнув руки – вперед.

4. М. Зенкевич. Поэма – *трагическая симфония*. Каждое слово прошло через автора. В поэме никаких личных счетов и даже никакой политики. Это поверх политики (М. Зенкевич). Очень похоже (отзыв современника).

(1961)

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

<11> Она не только с помощью скрытой в ней музыки дважды уходила от меня в балет. Она рвалась обратно, куда-то в темноту, в историю («И царицей Авдотьей заклятый: «Быть пугу месту сему»), в петербургскую историю от Петра до осады 1941–1944 гг., или вернее в петербургский миф. (Петербургская гофманиана.)^[51] (Вообще же это апофеоз 10-ых годов во всем их великолепии и их слабости).

Другое ее свойство: этот волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденн<ую> кем-то во сне или в ряде зеркал. («И я рада или не рада, что иду с тоб<ой>...»). Иногда я вижу ее всю сквозную, излучающую непонятный свет (похожий на свет белой ночи, когда все светится изнутри), распаиваются неожиданные галереи, ведущие в никуда, звучит второй шаг, эхо, считая себя самым главным, говорит свое, а не повторяет чужое. Тени притворяются теми, кто их отбросил. Все двоится и троится – вплоть до дна шкатулки.

И вдруг эта фата-моргана обрывается. На столе просто стихи, довольно изящные, искусные, дерзкие. Ни таинственного света, ни второго шага, ни взбунтовавшегося эха, ни теней, получивших отдельное бытие, и тогда я начинаю понимать, почему она оставляет холодным<и> некоторых своих читателей. Это случается, главным образом, тогда, когда я читаю ее кому-нибудь, до кого она не доходит, и она, как бумеранг (прошу извинить избитое сравнение), возвращается ко мне, но в каком виде(!?), и раня меня самое.

17 мая 1961 г. Комарово

* * *

<12>...и раня меня самое.

Попытка заземлить ее (по совету покойного Галкина) кончилась полной неудачей. Она категорически отказалась идти в предместья. Ни цыганки на заплыванной мостовой, ни паровика, идущего до

Скорбящей, ни о Хлеб<никове>, ни Горячего Поля, она не хочет ничего этого, она не пошла на смертный мост с Маяковским, ни в пропахшие березовым веником пятикопеечные бани, ни в волшебные блоковские портерные, где на стенах корабли, а вокруг – тайна и петербургский миф – она упрямо осталась на своем роковом углу у дома, который построили в начале 19 в. бр. Адамини, откуда видны окна Мр<аморного> дворца, а мимо под звуки барабана возвращаются в свои казармы курносые павловцы. В то время, как сквозь мягкую мокрую новогоднюю мятель на Марсовом Поле сквозят обрывки ста майских парадов и

Все таинства Летнего Сада —
Наводнения, свиданья, осада...

Кто-то сказал: «П<оэма> б<ез> Г<ероя>» – Реквием по всей Европе». Вероятно, он был рассеян и в эту минуту думал о чем-нибудь другом.

Один раз я хитростью выманила ее на Шереметевский чердак («Решка»), скрыв, что под этим еще кроется Ташкент,^[52] и еще раз само Время увело ее почти к волнам Тихого океана. Могила поэта.

О существовании *второй* музыки я узнала чуть не вчера. М. б., я даже когда-нибудь ее услышу. Третья (азиатская) сопровождала ее кровавую растерзанную юность, а *первая* уже снилась мне до ее рождения – и уводила меня в не легендарный – настоящий двадцатый век.

27 июля 1961. Комарово.

* * *

<13> К<удинов> дает довольно низменное, но правдоподобное объяснение недоходчивости поэмы до некоторых читателей. Он говорит: Ненапечатанная вещь должна быть крамольной. Когда список попадал кому-нибудь в руки, он торопился скорее пробежать весь текст, ожидая найти крамолу. Когда ее не оказывалось, он

разочарованно говорил: ничего особенного – я ждал другого (?). Очевидно, с ней это и приключилось, когда ее напечатали в Нью-Йорке. Там ждали второго «Живаго» или по крайней мере «Погорельщины». Не найдя ни того, ни другого [окрестили] обозвали непонятной, хотя в последнем варианте она совершенно ясная, и для ее понимания требуется лишь литературный ликбез, и препятствием понимания м. б. только новизна ее формы.

17 июля 1961. Москва

(ДАЛЬШЕ ПРО ПОЭМУ)

<14> Кроме того, одна из ее особенностей это – присутствие отсутствующих. Как в толпе на заднем плане мелькают какие-то полужнакомые лица, в ней дышат, ходят, м. б., даже действуют не названные существа [и автор, как курица [снесша], высидевшая лебединое яйцо, мечется по берегу, а «гадкий утенок» (будущий лебедь) уже далеко уплыл].

* * *

Определить, когда она начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции «Маскарада» 25 февраля 1917 г.), а конница лавой неслась по мостовой, то ли, когда я стояла уже без моего спутника на Литейном мосту, в то время, когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 окт<ября> 1917 г.). Как знать?!

ИЗ КНИГИ «БЕГ ВРЕМЕНИ»

Глава могла бы называться ВТОРОЕ ПИСЬМО^[53]

22 августа 1961

Комарово

<15>...увлекшись сообщением последних новостей 1955, я действительно несколько затянула последнее письмо, потом я, кажется, потеряла его, потому что Вы никогда не упомянули о нем во время наших многочисленных московских встреч. С тех пор случилось нежданное и великое – стихи вернулись в мир. В том письме я, между прочим, писала Вам о моей Поэме. Теперь могу прибавить, что она действительно вела себя очень дурно, так что я одно время предполагала совсем отказаться от нее, как хозяин пса, искусавшего кого-нибудь на улице, делает незнакомое лицо и удаляется, не ускоряя шаг. Но из этого тоже ничего не вышло^[54] (а мне с самого начала казалось, что ей пошло бы быть анонимной, а приписать ее уже умершему поэту было бы совсем бессовестно) – а) потому что никто не хотел взять ее на себя, б) потому что все, с кем я заводила беседу на эту тему, – утверждали, что у их родственников есть списки, сделанные моей рукой со всеми мне присущими орфографическими ошибками (ложь, конечно).

Однако вышеупомянутое письмо не пропало для благодарного потомства, и если этому уготована та же участь, не теряйте надежды увидеть его напечатанным в Лос-Анджелесе или Тимбукту с священной надписью:

ALL RIGHTS RESERVED.^[55]

Мне лично приходится любоваться этой надписью на моих никому не переуступленных писаниях... Однако это детали. Гораздо хуже то, что делает сама Поэма. По слухам, она старается подмять под себя никакого к ней отношения не имеющие другие мои

произведения, искажая этим и мой (какой ни есть) творческий путь, и мою биографию.

Затем я еще раз убеждаюсь, что женщине лучше кокетничать, когда она находится *du bon côté de la quarantaine*,^[56] а не наоборот, а я, грешница, из чистейшего кокетства все в том же злополучном письме к Вам любовно перечислила все случаи, когда Поэма была встречена в *штыки*. По-видимому, такой «откровенности» автора соблазнительно поверить.

Конечно, каждое сколько-нибудь значительное произведение искусства можно (и должно) толковать по-разному (тем более это относится к шедеврам). Например, «Пиковая дама» – и просто светская повесть 30-х годов 19 века, и некий мост между 18 и 19 веками (вплоть до обстановки комнаты графини), и библейское «Не убий» (отсюда всё «Преступление и наказание»), и трагедия старости, и новый герой (разночинец), и психология игрока (очевидно, беспощадное самонаблюдение), и проблема языка (каждый говорит по-своему, особенно интересен русский язык старухи – докарамзинский; по-французски, надо думать, она говорит не так), но... я, простите, забалтываюсь – меня нельзя подпускать к Пушкину... Но когда я слышу, что Поэма и «трагедия совести» (В. Шкловский в Ташкенте), и объяснение, отчего произошла Революция (Шт<ок> в Москве), и «Реквием по всей Европе» (голос из зеркала), трагедия искупления и еще невесть что, мне становится страшновато... (и «исполненная мечта символистов» – В.М. Жирмунский в Комарове, 1960 год). Многим в ней чудится трагический балет (однако Л.Я. Гинзбург считает, что ее магия – запрещенный прием – why?^[57]).

Не дожить до конца столетья...
Двадцать первое, двадцать третье...
Будто стружка летит с верстака!

Это, извините, стихи трезвейшего и знаменитого физика-атомщика, но... довольно – боюсь, что в третьем письме мне придется извиняться за эти цитаты, как я извиняюсь в этом за цитаты 1955 года.

Но что мне делать с старой шаманкой, которая защищается «заклинаниями» и «Посвящениями» из музыки и огня. Это она заставляет меня испытывать весьма лестные для авторского самолюбия ощущения курицы, высидевшей лебединое яйцо и беспомощно хлопающей крыльями на берегу в то время, как лебеденок уже далеко уплыл. По старой дружбе не скрою от Вас, что знатные иностранцы спрашивали меня – действительно ли я автор этого произведения. К чести нашей Родины должна сознаться, что по эту сторону границы таких сомнений не возникало.

Просто люди с улицы приходят и жалуются, что их измучила Поэма. И мне приходит в голову, что мне ее действительно кто-то продиктовал, причем приберег лучшие строфы под конец. Особенно меня убеждает в этом та демонская легкость, с которой я писала Поэму: редчайшие рифмы просто висели на кончике карандаша, сложнейшие повороты сами выступали из бумаги.

1) О Белкинстве.

2) Об уходе Поэмы в балет, кино и т. п. *Мейерхольд*. (Демонский профиль.)

3) О тенях, которые мерещатся читателям.

4) «Не с нашим счастьем», как говорили москвичи в конце декабря 1916, обсуждая слухи о смерти Распутина.

5) ...и я уже слышу голос, предупреждающий меня, чтобы я не проваливалась в нее, как провалился Пастернак в «Живаго», что и стало его гибелью, но я отвечаю – «Нет, мне грозит нечто совершенно иное. Я сейчас прочла свои стихи. (Довольно избранные). Они показались мне невероятно суровыми (какая уж там нежность ранних!), обнаженными, нищими, но в них нет жалоб, плача над собой и всего невыносимого. Но кому они нужны! Я бы, положила руку на сердце, ни за что не стала бы их читать, если бы их написал кто-нибудь другой. Они *ничего не дают* читателю. Они похожи на стихи человека, 20 л. просидевшего в тюрьме. Уважаешь судьбу, но в них нечему учиться, они не несут утешения, они не так совершенны, чтобы ими любоваться, за ними, по-моему, нельзя идти. И этот суровый черный, как уголь, голос и ни проблеска, ни луча, ни капли... Все кончено бесповоротно. М. б., если их соединить с последней книжкой (1961 г.), это будет не так заметно или может создаться иное впечатление. Величья никакого я в них не вижу. Вообще это так голо,

так в лоб – так однообразно, хотя тема несчастной любви отсутствует. Как-то поярче – «Выцветшие картинки», но боюсь, что их будут воспринимать как стилизацию – не дай Бог! – (а это мое первое по времени Царское, до-версальское, до-расстреллиевское). А остальное! – углем по дегтю. Боже! – неужели это стихи? Сама трагедия не должна быть такой. Так и кажется, что люди, собравшиеся, чтобы их читать, должны потихоньку говорить друг другу: «Пойдем выпьем» или что-нибудь в этом роде.

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не видел бесправней,
Даже ветер со мною на ты
Там за той оборвавшейся ставней.

* * *

<16> Кроме попытки увода Поэмы в предместье (Вяз<емская> Лавра, букинисты, церковные ограды и т. д.) к процессу заземления относится и попытка дать драгуну какую-то биографию, какую-то предысторию (невеста-смолянка, кузина, ушедшая в монастырь – «Великих Постриг», и заколовшаяся от его измены цыганка). Обе пришли из балета, и их обратно в Поэму не пустили («Две тени милые»). М. б., они возникнут в одной из музык.

Но самой Поэме обе девушки оказались совершенно не нужны. Другая линия его *настоящей* биографии для меня слишком мало известна и вся восходила бы к сборнику его стихов (М.К.).

Биография героини (полу-Ольга, – полу-Т. Вечеслова) записана в одной из моих записных книжек – там балетная школа (Т.В.), полонез с Нижинским, Дягилев, Париж, Москва – балаганы, *художник*, la danse russe в Царскосельском дворце и т. д. Всего этого Поэма не захотела.

Интересно, чего же она еще захочет?

26 августа 1961, Комарово

ПРОДОЛЖЕНИЕ (ЕЩЕ О ПОЭМЕ)

<17>...Сейчас я поняла: «Вторая», или «Другая» («Рядом с этой идет «Другая...»), которая так мешает чуть не с самого начала (во всяком случае в Ташкенте) – это просто пропуски, это не заполненные пробелы, из которых, иногда почти чудом, удается выловить что-то и вставить в текст. К этому, в сущности, сводится моя Деятельность, которая так раздражает некоторых читателей. К моему огорчению, эти куски часто называют «жемчужинами» и клянутся, что они лучше окружающего их текста.^[58] (Так было с лирическим отступлением о Госте из Будущего, I плавка).

Похоже на то, что я пропустила все лучшее, уступив его, скажем, музыке, и написала все худшее, но лучшее продолжает тесниться и местами прорывается в печатный (?) текст, неся с собой тень, призрак музыки (но никак не музыкальность в банальном смысле), в котором оно пребывало. Оттого и незаметны «швы» (что так изумляет некоторых, в частности, Озерова).

Ощущение Канунов, Сочельников – ось, на которой вращается вся вещь,^[59] как волшебная карусель (примеры). Это то дыхание, которое приводит в движение все детали и самый окружающий воздух. (Ветер завтрашнего дня.) Читатель и слушатель попадает в этот вращающийся воздух, отчего и создается магия, вызывающая головокружение и называемая некоторыми (Л. Я. Гинзбург) запрещенным приемом: («Не боюсь ни смерти, ни срама / Это тайнопись, криптограмма / Запрещенный это прием»).

Но это и то, чего хотели, между прочим, добиться символисты и что они проповедовали в теории, но чего они не могли достичь, когда начинали писать сами (В.М.Ж<ирмунский>), 1960 г. (развить).

31 августа 1961, Ленинград

ЕЩЕ К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ

<18>...Все в ней двоится и троится. И, конечно, – сам автор. Один видит на «Брокене» – тень драгуна живого («А за ней в ши<нели>»), другой видит его же в своей (Фонтанной) комнате мертвым и приходит в ужас.

(И так все).

19-летн<ий> поэт Х. сказал мне в Москве: «Он (мальчик, драгун) был лучше их всех, за это они его убили». При всей его наивности этот отзыв запомнился, потому что так по существу мало кто [говорил] высказывался.

* * *

<19>...Так возьась то с балетом, то с кино [сценарием], я все не могла понять, что собственно я делаю. Следующ<ая> цитата разъяснила дело: «This book may be read as a poem or verse play»^[60] – пишет Peter Viereck (1961. «The tree witch»)^[61] и затем технически объясняет, каким образом поэма превращается в пьесу. То же и одноврем<енно> я делала с «Триптихом». Его «The tree witch» – современник моей поэмы, и, возможно, такая близость.

25 ноября <1961>

ПРОДОЛЖЕНИЕ

<20> Все это я, разумеется, говорю неизвестно для кого и неизвестно зачем; читатели же должны верить, что она, как опытная космонавтка, так вот и спустилась с неба, никогда другой не была, и никогда другой не будет и не может быть.

Больница. Ноябрь, 1961.

К СТАТЬЕ «ПРОЗА О ПОЭМЕ»

<21> Я [писала] начала ее в послеежовском опустелом Ленинграде (в мой самый урожайный 1940 год), продолжила в «Константинополе для бедных» – Ташкенте (который был для нее волшебной колыбелью), потом, в последн<ий> год войны, опять в Фонтанном Доме, среди развалин моего [родного] города, в сталинской Москве и между сосенок Комарова. Рядом с ней, такой пестрой (несмотря на отсутствие красочных эпитетов [и бурной] и тонущей в музыке, шел траурный Requiem, единственным аккомпанементом которого может быть только Тишина и редкие отдаленные удары похоронного звона.

В Ташкенте у нее появилась еще одна попутчица – пьеса «Энума элиш», одновременно шутовская и пророчес<кая>, от которой и пепла нет.

Лирика [она] ей не мешала, и она не вмешивалась в нее.

Гавань. Ноябрь. 1961. Больница

ПЛАН «ПРОЗЫ О ПОЭМЕ»

<22> (Может быть, это будет новое «Вместо предисловия»)

1. Где и когда я ее писала. 2. Как она меня преследовала. 3. О самой Поэме. Провал попыток заземления.(Запись из пестрой тетради.) Ее уходы в балет. Бумеранг. – Карусель. – Поэма Канунов. (Примеры). 4. Ее связь с Петербургской гофманианой. 5. Подтекст. «Другая» – траурная – обломки ее в «Триптихе».

Писать широко и свободно. Симфония.

Отзывы Б. Пастернака^[62] и В.М. Жирмунского (Старостина, Штока, Добина, Чуковского и т. д.).

Слушала стрекозиный вальс из балетной сюиты Шостаковича. Это чудо. Кажется, его танцует само изящество. Можно ли сделать такое со словом, что он делает с звуком?

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

<23> Опять два стиха из «Другой»! Они глубже, точнее больше приоткрывают, чем их соседи. Я начинаю думать, что «Другая» совсем сквозная. Так же стих, который имеет несколько смыслов:

Прибежавший сюда без маски.

Он и торопился – он один из всех показывает свое настоящее лицо – в этом его характеристика и т. д.

А матрос (пьяный) всегда был Цусимой – до самой войны 15 г., когда я видела матросов в пешем строю, у меня невольно сжималось сердце от воспоминаний о Цусиме, – этом тоже *первом* ужасе моего поколения, и чего я не сумела выразить в поэме «У самого моря». (Что поет моряк? – Поискать.)

(Гр<афа> В.А. Комаровского придумал, вероятно, С. Маковский, который знал Комаровского и печатал его в «А<поллоне>»). Б. Ф<илиппов> копнул глубоко, но не в том месте. Ему бы начать с «Голоса памяти» в «Четках», просто посвященно<го> О.С. Там [просто] сказано:

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

(Это же эпиграф к II-ой главке 1913 года.)

О глазах и взгляде О.С. сказано и в стих<отворении> лета 1921 г., тоже посв<ященном> О.С. (Anno Domini. «Пророчишь, горькая...»^[63]).

* * *

<24> Поэма опять двоится. Все время звучит второй шаг. Что-то идущее рядом – другой текст, и не понять, где голос, где эхо и которая тень другой, поэтому она так вместительна, чтобы не сказать бездонна. Никогда еще брошенный в нее факел не осветил ее дна. Я, как дождь, [влетаю] проникаю в самые узкие щелочки, расширяю их –

так появляются новые строфы. За словами мне порой чудится петербургский период русской истории:

Да будет пусто место сие, —

дальше Суздаль – Покровский монастырь – Евдокия Федоровна Лопухина. Петербургские ужасы: могила царевича Алексея, смерть Петра, Павла, Параша Жемч<угова>, дуэль Пушкина, наводнение, тюремные очереди 1937 г., блокада. Все это должно звучать в еще несуществующей музыке. Опять декабрь, опять она стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз. Опять я вижу ее в пустом зеркале, куда ушел гость из Будущего и во сне.

Ордынка, 1961

ОНА ШИРЕ...

<25> Так сказал Вл<адимир> Павл<ович> Михайлов о «Поэме без героя». Вот это чувство незаполненных пустот, где что-то рядом, т. е. мнимо незаполненных, потому что, может быть *главное* как раз там, и создает чувство, близкое к волшебству. Эти якобы пустоты и темноты вдруг освещаются то солнцем, то луной, то петербургским угловым фонарем и оказываются то куском города, то тайгой, то гостиной Коломбины, то шереметевским «чердаком», по которому кружит адская арлекинада «Решки», а в печной трубе, заглушая вой ветра, бормотанье «Реквиема».

Жирму<нский> о Поэме: Это – исполненная мечта символистов. В теории они много говорили о магии стиха, о втором шаге и т. д. (Напр., Блок о Комис<саржевской>), а когда начинали писать, всего этого не было.

Пастернак Бор<ис> сравнивал мое творч<ество> с фигурами «русской». *Лирика* – прячась за платочком и отступая. *Поэма* – раскинув руки, – вперед.

Peter Viereck (о своей поэме, которая, по его мнению, может превращаться в драматическое действие).

* * *

<26> Поэма как последнее звено Петербургской Гофманианы.

...А есть еще такие, что не хотят, чтобы им объясняли. Они сами все знают, объясняя, автор их как бы обкрадывает.

РАБОТАЕТ ПОДТЕКСТ

<27> И только сегодня мне удалось окончательно формулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничто не сказано в лоб.

I. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух стихах, но для всех понятно. («Кор<идор> Петр<овских> кол<легий>«и «Что угодно может случиться» – вся эмиграция. «Все уже на местах, кто надо» и «До смешного близка развязка» – Революция. То же в области чувств и характеристик («Потаенный таился гул» – война).

II. Строки с двойным дном

Вы отсюда куда?

– *Бог весть!*

«По рядам пробежал озноб».

И открылась мне та дорога,

По которой ушло так много – Ежовщ<ина>, Бериевщина —

По которой сына везли – единств<енное> пояснение.

Прибежавший сюда без маски.

Строка «Прибежавший сюда без маски» – тоже двойная. И просто торопился, и один из всех со своим лицом. (М.б., потому Кома и говорит, что из дорев<олюционных> произведений он может читать только – Триптих).

И куда только она от меня ни уходила. Даже в гран-гиньоль, потому что как иначе назвать мысль всех их (главным образом, отсутствующих – Маяк<овского> Цветаеву, Нижинск<ого>, Дапергутто, Хлебн<икова>) – рисун<ки> Митурича и т. д.), заставить видеть в волшебном зеркале колдовского шарманщика свой конец вместе с Фаустом, Д<он> Жуаном, Гамлетом... видеть, как Блока уводят 12 молодых людей, а Мейерхольда только двое. На фоне всех этих концов смерть драгуна просто *блаженное успление*.

<28> Еще одно интересное: я заметила, что чем больше я ее объясняю, тем она загадочнее и непонятнее. Что всякому ясно, что до дна объяснить ее я не могу и не хочу (не смею) и все мои объяснения (при всей их узорности и изобретательности) только запутывают дело, – что она пришла ниоткуда и ушла в никуда, ничего не объяснила... Когда я читала одно из моих особенно длинных и подробных «объяснений» И<вановско>му, он сказал: «Я чуть не крикнул посередине: «Перестаньте – не могу больше. Ведь то, что вы читаете, это та же поэма (скажем, «Решка»), но в прозе – это невыносимо».

* * *

<29> Ты! кому эта поэма принадлежит на $\frac{3}{4}$, так как я сама на $\frac{3}{4}$ сделана тобой, я пустила тебя только в одно лирическое отступление (царскосельское). Это мы с тобой дышали и не надышались сырым водопадным воздухом парков («сии живые воды») и видели там <в> 1916 г. (нарциссы вдоль набережной).

...траурниц брачный полет...

* * *

<30> Начинаю думать, что «Другая», откуда я подбирают крохи в моем «Триптихе» – это огромная траурная, мрачная, как туча – симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т. е. вернее обо всем, что нас постигло. А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова – слава, Нижинский – безумие, Маяков<ский>, Есен<ин>, Цвет<аева> – самоубийство, Мейерхольд, Гумилев, Пильняк – казнь, Зощенко и Мандельштам – смерть от голода на почве безумия и т. д., и т. п. (Блок, Хлебников...)

Моя бедная поэма, которая начиналась с описания встречи Нов<ого> года и чуть ли не домашнего маскарада – смела ли она надеяться, к чему ее подпустят. Но это странное упорство, с которым я

к ней возвращалась, небывалый способ, которым я ее писала, все же свидетельствовал о чем-то. Когда в июне 41 г. я прочла (в Москве) первый (без начала и без конца) кусок Марине Цветаевой, она не без язвительности сказала: «Надо обладать большой смелостью, чтобы в 1941 г. писать о Колумбине, Пьеро и Арлекине». Вероятно, этот кусок показался ей непростительно старомодным подражанием, стилизацией под раннего Кузмина или чем-то в этом роде, а она в это время уже была автором «Поэмы Воздуха» (1936), которую она в одну ночь переписала своей рукой и подарила мне с надписью, где фигурировала 25-лет<няя> любовь. Но не в этом дело.

* * *

<31>...и все-таки все эти списки не полны и не верны. На единственно *верном*, отменяющем все списки, должны быть: 1) Дата 1962 г. 2) Отделенная от третьей IV-ая главка «1913 г.» со своей прозой («Угол Марсова Поля...») и новыми 9-ю стихами («Кто-то с ней «без лица и названья» – «А теперь прощаться пора») после стиха: «Возвратилась домой не одна». 3) Со стихами:

Кружевную шаль не снимая
...
В ожерелье черных агатов («1913 г.»)
...

4) Следующий кусок должен читаться так («1913»):

До смешного близка развязка,
Вкруг костров кучерская пляска^[64]
Из-за ширм Петрушкина маска
Над Дворцом черно-желтый стяг...
Все уже на местах – кто надо,
Пятым актом из Летнего Сада
Пахнет. *Призрак цусимского ада*

Тут же. Пьяный поет моряк.

5) «Вопль: *«Не надо!»* – и в отдалении (1913)

Чистый голос: *«Я к смерти готов».*

6) В примечаниях автора два портрета: Козлоногой и драгуна.
Там же строфа «Всех наряднее...» кончается так:

Не клянет, не молит, не дышит
Голова m-me de Lamballe.
А смиренница и красotka,
Та, что козью пляшет чечетку.
Снова гулит томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»

7) Новая редакция прозы к II-ой главке. (Про арапчат.) См. книгу Мейерхольда.

8) Дапертутто, Иоканааном (1913)

9) И никто меня не осудит

10) Певчих птиц не прятала в клетку (13)

11) И в тени заповедного кедра (февраль 62) Комар<ово>

К «ПРОЗЕ О ПОЭМЕ»

<32> Начинаю думать, что «Другая», из которой я подбираю крохи в моем «Триптихе» – это огромная, мрачная, как туча – симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т. е. обо всем, что нас постигло. А постигло нечто беспримерное,^[65] что та поэма звучит все время, как суд у Кафки и как Время, чего я, конечно, не смею сказать о моем бедном «Триптихе». Но слушая «Другую», т. е. слушая Время...

...и только сегодня мне удалось окончательно сформулировать особенности моего метода в «Поэме...». Ничего не сказано в лоб: сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух стихах, – но всем понятно, о чем идет речь и что чувствует автор. Напр.:

«Коридор Петровских коллегий
Бесконечен, гулок и прям,
Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там».^[66]

Разве это не вся петербургская ученая эмиграция?

А «Все уже на местах, кто надо
Пятым актом из Летнего Сада
Вет».

Разве это не канун Революции?
И еще:... призрак цусимского ада
Тут же. – Пьяный поет моряк.

Раньше «цусимского ада» не было. Я извлекла его из пьяного и поющего моряка, в котором он всегда был. (Сравнение с цветком). Так

развертывая розу, мы находим под сорванным лепестком – совершенно такой же.

А в Эпilogue:

«И открылась мне та дорога, (за Уралом)
По которой ушло так много,
По которой сына везли...»

В этих строчках каждый из нас узнает ежовщину и бериевщину. У всех везли сына (или мужа) за Урал. Более мелкие примеры:

«Уверяю, это не ново...
«Вы дитя, signor Casanova
и т. д. т. д.

В строчке «По которой ушло так много» уже содержится следующая.

Этот метод дает совершенно неожиданные результаты: я уже писала в другом месте, что все время чувствовала помощь (и почти подсказку) читателя. (Особенно в Ташкенте). И вот это «развертывание цветка» (в частн<ости> розы) дает и читателю в какой-то мере, и, конечно, совершенно подсознательное ощущение – соавторства. Есть поэты, которые знают, что про некоторые их произведения читатели говорят: «Это про меня^[67] – это будто я написал(а)». И тогда автор может быть уверен, что сделанное им «дошло».

Так или не совсем так было с «Поэмой без героя». Абсолютно чужая и страшная одним, она как бы всецело принадлежит другим.

Разгадку ее недоходчивости сообщил мне переводчик Превера, у которого она довольно долго лежала. Разгадка эта так низменна, что мне не хочется переписывать ее второй раз. (Отсутствие крамолы, которая якобы необходима в каждой ненапечатанной вещи).

О РЕШКЕ

<33>...там у меня два двойника. В первой части – «петербургская кукла, актерка», в третьей – некто «в самой чаще тайги дремучей», во второй части (т. е. в «Решке») у меня двойника нет. Там никто ко мне не приходит, даже призраки («В дверь мою никто не стучится»). Там я такая, какой была после «Реквиема» и четырнадцати лет жизни под запретом («My future is my past») на пороге старости, которая вовсе не обещала быть покойной и победоносно сдержала свое обещание. А вокруг был не «старый город Питер» – а послеежовский и предвоенный Ленинград – город, вероятно, еще никем не описанный и, как принято говорить, еще ожидающий своего бытописателя.

31 мая, 1962, Москва.

К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ

<34> Я начинаю замечать еще одно странное свойство Поэмы: ее *все* принимают на свой счет, узнают себя в ней. В этом есть, что-то от «Фауста» (см. то место, где Ф<ауст> видит на Брокене издали Марг<ариту>, а Мефистоф<ель> говорит ему, что в этом призраке *все* узнают любимую девушку).

Но Фауст *именно тогда* бросает все и мчится «спасать» Маргариту.

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

<35>...кроме вещей (см. 1-ый отрыв<ок>) в дело вмешался сам Фонтанный Дом: древние, еще шведские дубы. Белый (зеркальный) зал – через площадку, где пела сама Параша для Павла I, уничтоженный в... году грот, какие-то призрачные ворота и золотая клинопись фонарей в Фонтанке – и Шумерская кофейня (комната В.К. Шилейко во флигеле)... Потом еще...

ДЛЯ М<АЛИЯ>

<36> 1. Поэма – волшебное зеркало, в котором каждый видит то, что ему суждено видеть. (4 примера – Чук<овский>, М<ихайлов>, Влот, Фил<иппов>.)

НОВОЕ В СПИСКЕ 1962

<37> I. *Строфы*. (Не давать никому).

1) Маска это, череп, лицо ли? (1913-й, I главка)

2) Скоро мне нужна будет лира... («Решка»)

3) Портрет козлоногой (В примеч<аниях> авт<ора>)

4) Портрет драгуна (В прим<ечаниях> ав<тора>).

5) Кружевная шаль (1-ая главка)

6) И Венера возникла из пены (?)

5) Кто-то с ней без лица и названья (9 стихов)

6) IV гл<авка>. Эпиграф 9 строк, прозаическая часть

7) Уладить арапчат [9] 7 [½ строк о Козлон<огой>]

8) Вопль: «Не надо!!.» (1-ая главка 1913 г.)

9) И никто меня не осудит (1-ая гл<авка>)

10) Не клянет, не молит, не дышит (M. Lamb<alle>)

11) Та, что [здесь] пляшет козью чечетку (в Прим<ечаниях>)

12) Я же роль *рокового* хора (II главка)

13) Дапертутто, Иоканааном (1-ая главка)

14) Лат<инское> прим<ечание> Байрона к [цитате] эпиграфу из

Д<он> Жуана

14а) Проза при IV главке (Гораций)

15) Призрак цусимского ада

Тут же: пьяный поет моряк

16) Из-за ширм Петрушкина маска (1913).

Новое предисловие. «Проза о Поэме» – отрывки о Канунах, о карусели, о заземлении, о петерб<ургской> гофман<иане> и т. д.

* * *

<38> <...> от лиц, вернувшихся оттуда, где стихи запоминались наизусть, до пишущего эти строки дошла следующая новелла:

Такого-то года, такого-то числа (даты всякий раз иные) где-то недалеко от Ленинграда (место тоже в каждом рассказе другое) волны

Маркизовой Лужи выбросили на берег бутылку, в которой оказались строфы... дальше

Тогда я велела ветрам четверем
За
(и сделали сердце мое
Комком окровавленной грязи.

И я положила на самое дно
Моей самой лучшей поэмы

Так вот отчего мне легко и смешно,
Так вот отчего я не плачу давно.

* * *

<39> И, конечно, дело не в том, что в этой тени можно угадать одну современницу Ахматовой, к которой она уже и раньше обращалась со стихами (1914 и 1921 гг.) и чуть ли не по [этому] тому же поводу (см. эпиграф к II-ой главе и «Пророчишь, горькая...» в An<no> Domini), что и в поэме и т. д., но это не случайность, что когда [но вот] наступает 1941 г., [и] кончается вся петербургская гофманиана поэмы. Белая ночь беспощадно обнажила город... а дальше Урал, Сибирь и образ России.

О ПОЭМЕ

<40> 1. Она кажется всем другой:
Поэма совести (Шкловск<ий>)
Танец (Берковский)
Музыка (почти все)
Испол<ненная> мечта символист<ов> (Ж<ирмунский>)
Поэма Канунов, Сочельников (Б. Филиппов)
Поэма – моя биография.
Историческая картина, летопись эпохи (Чуковс<кий>)
Почему произошла Революция (Шток)
Одна из фигур русской пляски (раскинув руки и вперед)
(Паст<ернак> (Лирика, отступая и закрываясь платочком.)
Как возникает магия (Найман)

* * *

<41> Последний список ([*октябрь*], *ноябрь, 1962. Москва*) отменяет все предшествующие рукописные списки и печатные издания, даже еще не появившиеся («День поэта». Лен<издат> 62 г.) – в нем впервые «Интермедия», примечания редактора, указания на того, кто это произносит, читает или бормочет. III-е посвящение называется «Le jour des Rois», увеличено число прототипов («Этот Фаустом...») и т. д. Как видите, отличий довольно много, но самое существенное это раскрытие двойника в Эпиллоге и песенка там же («За тебя я заплатила...»). *Все новое* в «Решке». Замечаю, что поэму гораздо лучше понимают молодые люди, чем мои современники.

В ПОЭМЕ

<42>

Пушкин – «Пиковая Дама» (в конце 1-й главки)

Гоголь – Кареты валились с мостов (не в реку, конечно), а просто прятались обратно с крутых мостиков)

Достоевский – Конец 1-ой главки («Бесы») («Смерти нет – это всем известно)

Paul Valery Variété V (Сон...) (Эльсинорских террас парапет)

R. Browning Dis aliter visum (подагра и слава...)

Блок – «Шаги Командора» («крик петуший нам только снится») и черная роза в бокале

Мандельштам (Повернувшись *влоборота* и «Я к смерти готов»)

Вс. К<нязев> («палевый локон»), («поцелуйные плечи»)

Мейерхольд Арлекин – дьявол см. «О театре», стр...

Стравинский Петрушкина маска, пляска кучеров, барабан...

Библия – Мамврийский дуб, долина Иосафата, ковчег завета, содомские Лоты

Античн<ость> Гекубы, Кассандры, Софокл, ресницы Антиноя и музыка все время.

* * *

<43> И наконец произошло нечто невероятное: оказалось возможным раззеркалить ее, во всяком случае по *одной* линии. Так возникло «лирическое отступление» в Эпilogue и заполнились *точечные строфы* «Решки». Стала ли она понятнее, – не думаю! – Осмысленнее – вероятно.

Но по *тому* высокому счету (выше политики и всего...) помочь ей все равно невозможно. Где-то в моих прозаических заметках мелькают какие-то лучи – не более.

18 декабря 1962

Садово-Каретная

* * *

<44> «Чем больше вы ее объясняете, тем [больше] меньше я ее [не] понимаю» (*Из беседы о «Триптихе»*)

1962

Под Кедром

Хороший эпитаф, например, к «Решке» и главное – русский. Все поймут!

* * *

<45> Там же присутствовал «заповедный кедр», [пришедший посмотреть] подошедший взглянуть – что происходит из гулких и страшных недр моей поэмы, «где больше нет меня».

* * *

<46> Оставить ее одну уже не было опасно, но остаться без нее казалось просто невозможным.

* * *

<47> Кто-то (лето 62 г.) предположил, что поэма не всем понятна из-за своей аристократичности.

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

<48> С 7 января 1963. Рождество

...и кажется, я все же заземлила ее самым неожиданным образом – интермедией. (Фонтанный грот, которого давно нет. Белый зеркальный зал – бал). Шапка «Решки» – это арка, составленная из двух частей. Там звучит отдаленно, но чисто – Реквием. И все это в 1941 г.

* * *

<49> Поджиоли пишет, что у Ахм<атовой> только голос «fiancée, bridée^[68] и возлюбленной», когда [потом] уже давно (в 1935—40) [является] существ<ует> «Реквием», где достаточно громко звучит голос матери и сестры.^[69] Ахм<атова> в течение десятилетий считается чуть ли не миниатюристкой – затем 22 года пишет свой огромный, похожий на траурную трагическую симфонию – Триптих. (Чтобы поделиться с читателем моим горем и показать, как глубока и безвыходна западня, в которую я попал, приведу несколько высказываний о поэме.)

Чук<овский> – [мастер] шедевр исторической живописи.

Шкл<овский>: – трагедия совести.

Шток: объяснение, отчего произошла Революция.

Фил<иппов>: – Ветер канунов.

Пастернак: Фигура «Русской» (Ах, вы сени, мои сени), – раскинув руки и вперед... (лирика), другая фигура – с платочком, прячась за ним и отступая. Добин^[70]

А все тот же таинственный голос почти из будущего говорящий, как подобает о стихах (из-за поворота) объясняет: «Если перв<ая> строка...

и все исходит из стиха: «До смешного близка развязка».

ЭрГэ ищет и находит ее корни в классической русской литературе. (Пушкин – «Пиковая дама». Гоголь... Достоевский –

«Бесы» и вообще тянет к бесам, не замечая петербургской гофманианы и западные корни, напр., «Dis aliter visum»^[71] Браунинга и «Эл<ьсинорских> террас парапет» Paul Valery.)

Некто Ч<апский> в Ташкенте церемонно становится на одно колено, целует руки и говорит: «Вы – последний поэт Европы» (1942 г.)

А некто из зазеркалия (Фонтанный Дом): «Это реквием по всей Европе» (1946).

Jean Vlot в 1962. («Прошлое и настоящее судят друг друга и обоюдно выносят друг другу приговор».)

Берковский (Комарово, 1962 г.) видит в ней танец – она вся движение и музыка.

Жирмунский: «Поэма без Героя» – это исполненная мечта символистов, это то, что они проповедовали в теории, но когда начинали творить, то никогда не могли осуществить. (Магия)

Гинзб<ург> считает это же запрещен<ным> приемом.

Итак, вы видите, что когда говоришь об этом авторе, то кажется, что говоришь о многих, не похожих друг на друга людях.

ПРОДОЛЖЕНИЕ О ПОЭМЕ

<50> *Вл. Муравьев*, которому уже 23 года, пишет о поэме: «Вечный вопрос? – Нет. Нечто более реальное – тождество поэзии и совести, расплата стихами...» (и дальше) [(Ташкент. 1942)].

Из писем читателей о поэме

Читательница о Триптихе «Это голос судьи. Это действительно лира Софокла». (Письмо.)

Черняк

(дневник)

.....
.....

* * *

<51> Когда в июне 1941 г. я прочла М. Цветаевой кусок поэмы (первый набросок), она довольно язвительно сказала: «Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об арлекинах, коломбинах и пьеро», очевидно, полагая, что поэма мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова, т. е. то, с чем она, м. б., боролась в эмиграции как со старомодным хламом. Время показало, что это не так. Время работало на «Поэму без Героя». За последние 20 лет произошло нечто удивительное, т. е. у нас на глазах происходит почти полный ренессанс 10-ых годов. Этот странный процесс еще не кончился и сейчас. Послесталинская молодежь и зарубежные ученые-слависты одинаково полны интереса к предреволюционным годам. Мандельштам, Пастернак, Цветаева переводятся и выходят по-русски, Гумилев перепечатывается множество раз, о Белом защищают диссертации и в Кембридже и в Сорбонне, о Хлебникове пишут длинные ученые работы, книги формалистов стоят *les yeux de la tête*.^[72] У букинистов ищут Кузмина, у «всех» есть переписанный Ходасевич. Почти никто не забыт, почти все вспомнены.

Всё это я говорю в связи с моей поэмой, потому что, оставаясь поэмой исторической, она очень близка современному читателю, который втайне хочет побродить по Петербургу 1913, хочет *сам* узнать всех, кого он так любит (или так не любит). Представители ленинградской элиты спрашивают меня, в каком номере «Русской мысли» напечатана статья Н.В. Недоброво о «Четках», а кембриджец

Антони Кросс пишет работу о «Четках» к 50-летию выхода этого сборника. (30 марта 1964).

Б.П<астернак> думал, что за границей интересуются им одним. Это было одной из его ошибок. Еще одно: по мере того как уменьшается интерес к Блоку – вырастает интерес к Андрею Белому, о котором сейчас все говорят. Но что, о Боже, будет с Сологубом, неужели он останется так прочно забыт. (Ал. Ремизова очень любят и помнят за границей.)

В Оксфорде настоящий культ Вячеслава Иванова («Свет вечерний» и статьи). Сэры Bowra и Berlin ездили к нему на поклон (между нами говоря, это было зрелищем для богов!), ему разрешено все, вплоть до кровосмешения.

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

<52> Х. У. сказал *сегодня*, что для поэмы всего характернее следующее: если *первая* строка строфы вызывает, скажем, изумление, *вторая* – желание спорить, *третья* – куда-то завлекает, *четвертая* – пугает, *пятая* – глубоко умиляет, а *шестая* – дарит последний покой или сладостное удовлетворение, – читатель меньше всего ждет, что в следующей строфе для него уготовано опять все только что перечисленное. Такого о поэме я еще не слыхала. Это открывает какую-то новую ее сторону.

Вообще все, что этот человек говорит о моих стихах, несколько не похоже на то, что о них говорили или писали (на многих языках) в течение полувека. Ему как будто дано слышать их во сне, или видеть в каком-то заколдованном зеркале.

Про отдельные стихи он знает то, чего не знает никто и я всегда боюсь читать ему новое. Он никогда (*ни разу*) не задал мне ни одного вопроса о моих стихах или обстоятельствах, с которыми они связаны – об их месте в моей жизни. В его отношении есть что-то суровое и одержимо-целомудренное.

Это так не похоже на все остальное, с чем приходится бороться почти каждый день...

Москва. Ул. Мира, 1964

2 марта 1963 г. Ленинград после Москвы. (Значит, еще до 10-го марта в Комарове, когда возникла одна Элегия).

П<ОЭМА> Б<ЕЗ> Г<ЕРОЯ>

<53> *Пушкин* – Пиковая Дама (загл<ядывает> в окно)

Лермонтов – Улыбка Тамары (о Блоке)

Гоголь – (Валились с мостов кареты и оживш<ие> портреты)

Достоевск<ий> («Бесы» – самоуб<ийство> Кир<иллова>, I глава.)

Блок – («Крик петуший нам только снится»)

Браунинг – (подагра усадила. – Dis aliter visum)

Бердяев («мне всегда почему-то казалось»)

Вяч. Иванов

КЛАС<СИЧЕСКИЕ> СВЯЗИ

<54> Пушкин (Пик<овая> дама)

Лермонт<ов> (Улыбка Там<ары>)

Достоевск<ий> (Самоуб<ийство> Кир<иллова>)

Гоголь (кареты с мостов)

Блок (роза в бокале)

СТРОФЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ТРАГИЧЕСКОЕ

- <55> 0. Первое посвящение
(А так как мне бумаги не хватило)
- I. Шутки ль месяца молодого
(Значит мягче воска гранит)
- II. Распахнулась атласная шубка
(Все равно подходит расплата)
- III. Ты ли Путаница-Психея
(И *иною* дышишь весной)
- IV. Сплю – мне снится молодость наша
(Иль подснежник в *могильном* рву)
- V. Полно мне леденеть от страха
(Что смутится двадцатый век)
- VI. И запомнит Крещенский вечер
(Он погибель мне принесет)
- VII. Из года сорокового
(И под темные своды схожу)
- VIII. Я зажгла заветные свечи
(И вино, как отравы, жжет)
- IX. Это всплески жесткой беседы
(Стерегу последний уют)
- X. Я не очень боюсь огласки
(И замаливать давний грех)
- XI.....
(Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести)
- XII. Маска это, череп, лицо ли —
(Самый смардный грешник
Воплощенная благодать)
- XIII. (Наоборот)
Не последние ль близки сроки
(Страшный праздник мертвой листвы)
- XIV. (А вот посередине)

Крик петуший нам только снится
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но.....бесстыдна
Маскарадная болтовня
XV. (Это все всплывает не сразу
(Но ты будешь *моей* вдовою)
XVI. На площадке две слитые тени
(Чистый голос: «*Я к смерти готов*»)
XVII. Вздор, вздор, вздор...
(За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой)
XIX. Санчо Пансы и Дон Кихоты
(И безумья близится срок)
XX. А за ней в шинели и в каске
(*И зачем эта струйка крови*
Берedit лепесток ланит)
XXI. К прочим титулам надо и этот
приписать
(Вижу танец придворных костей)
XXII. Оплывают венчальные свечи
(Как проклятье в твоей груди)
XXIII. Твоего я не видела мужа
(Гороскоп твой давно готов)
XXIV. Были святки кострами согреты
(Только прочь от своих могил)
XV. Оттого, что по всем дорогам
(И кладбищем пахла сирень)
XXVI. И царицей Авдотьей заклятый,
(Как пред казнью бил барабан)

Иногда «траг<ическое> начинается в предпоследней строке.

XXVII. Бал мятежей на Марсовом Поле
([Кто лишь смерти молит у Бога...])
И кто будет навек забыт
XXIX. Все в порядке. Лежит поэма
(И виденье скрещенных рук)
XXIV. Мирная истор<ическая> справка

развертывается в страш<ную> картину казни.

XXVII. «Бал на Марсовом Поле» (мятель) переходит в заупок<ойный> гул по навеки забытом.

XXIX. Порядок! в первом стихе и видение мертвеца в посл<еднем>

Решка

I. Я ответила: Там их трое
(Третий прожил лишь 20 лет)
II. Не отбиться от рухляди пестрой.
(Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она)
III. Я ль растаю в казенном гимне
(На пороге стоит Судьба)

I. Краткая биография третьего.
II. Трагедия совести.
III. Рок в собств<енной> биографии.

Эпилог

I. Ты не первый и не последний
(Это нашей разлуки весть!)
II. А веселое слово – дома
(Как отравленное вино)

Итак, это более верно по отношению к 2-ой части поэмы.

I. Как бы холодное констатиров<ание> и...
всплеск ужаса:
Это нашей разлуки весть!
II. Здесь можно не объяснять.

СКАЗАТЬ ДОБИНУ О ПОЭМЕ

<56> Самое главное – конец – откуда этот почти *извиняющийся тон*. В поэме нет никакой традицион<ности>, это он сам только что превосходно доказал и вдруг!

Второе: Шостакович. Исправить.

Третье: десятых, а не двадцатых.

Четв<ертое> непременно смягчить про Ольгу. Ничего личного.

В одном из отброшенных «пред<исловий> автор признается, что между 46 и 56 гг., когда лирика отсутствова<ла>, «Поэма» преследовала его даже во сне.

<ПРОЗА К ПОЭМЕ>

<57> Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму – как трагический балет. (Это второй раз, первый раз это случ<илось> в 1944 г.). Будем надеяться, что это ее последнее возвращение, и когда она вновь явится, меня уже не будет... Но мне хочется отметить это событие, хотя бы в одном списке, что я и делаю сейчас. Я помню все: и музыку, и декорации, и костюмы, и большие часы (справа), которые били в новогоднюю полночь... Ольга танцевала *la danse russe rêvée par Debussy*,^[73] как сказал о ней в 13 г. К<ирилл> В<ладимирович>, и [плясала] исполняла пляску козлоногой, какой-то танец в шубке, с большой муфтой (как на портрете С<удейки>на) и в меховых сапожках. Потом сбросила все и оказалась Психеей с крыльями и в густом теплом желтом сиянии. Кучера плясали, как в «Петрушке» Стравинского, Павлова летела над Мариинской сценой (Последний танец Нижинского), голуби ворковали в середине Гост<иног> Двора, перед угловыми иконами в зол<отых> окл<адах> горели неугасимые лампы... Блок ждал Командора... Бил барабан... (в эту ночь 3 чел. очень обо мне беспокоились).

* * *

<58> Курносые павловцы возвращаются в свои казармы с Крещенского парада по льду... Бьет барабан. Смена караула в Зимнем... Кучера плясали, как в «Петрушке» Стравинского, Анна Павлова (Лебедь) летела над Мариинской сценой... Голуби ворковали в середине Гостиного Двора (там продавали пахучие елки), перед угловыми иконами в пышных золотых окладах жарко горели негасимые лампы. Блок ждал «Командора». Я с Б.А. возвращалась с генеральной репетиции «Маскарада», где Мейерхольд и Юрьев получили последние царские подарки (25 февраля 1917)

И я рада или не рада,
Что иду с тобой с «Маскарада»

И куда мы еще дойдем? —
А вокруг – ведь город тот самый
Старой ведьмы – Пиковой Дамы,
С каждым шагом все дальше дом...

...Немцы бомбили мосты, в музыке гробовой стук – это зашивают город.

Седьмая симфония Шостаковича, увозя немецкий марш, возвращалась в родной эфир. Гость из Будущего назвал поэму – Реквиемом по всей Европе и исчез в мутном зеленом зеркале Шереметевского чердака.

7 июня 1958 г. Красная Конница

14 октября 1960. Ордынка

IV

*Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.*

Вс. К.

[То был последний год...

М. Лозинский]

[Кто под темными окнами бродит]

<59> У правой кулис<ы> – край полосатой сол<датской> будки.

Угол Марсова Поля. Дом Адамини, в который было прямое попадание авиабомбы в 1942 г. (Бюро Добычиной). Новогодняя мятель. Колокольный звон от Спаса на крови. Горит высокий костер. За мятелью на поле призрак зимнедворского бала. Полонез. Иорданский подъезд сам, как бал. По улице совершенно реально возвращаются в свои казармы курносые павловцы. [Барабан.] Поют.

(1) В окна «Бюро Добычиной» смотрят, ненавязчиво мелькая, ожившие портреты: Шаляпин в шубе, Мейерхольд (Григор<ьева>), А. Павлова – Лебедь, Тамара Карсавина, Саломея <нрзб>, Ахматова Альтмана, Лурье Митурича, Кузмин, Мандельштам Митурича, Гумилев Гончаровой, Блок Сомова, молодой Стравинский, Велимир I, Маяковский на мосту, видно, как Городецкий, Есенин, Клюев, Клычков пляшут «русскую», там «башня» Вяч. Иванова (есть, Фауст, казн<ь>), будущая *bienheureuse Marie*^[74] – Лиза Карав<аева> читает «Скифские черепки».

Все смутно, отдаленно – еще <не> случилось, но в музыке уже все живет. А может быть, все это есть в «Другой» и оно ломится в «Эту».

Судьба в виде шарманщика предсказ<ывает> всем будущее: оно возникает в большом зеленом мутном зеркале. (Марина встречает 1913 год у Чацкиной – Нездешний вечер.) Фауста уводит

Мефистофель, Д<он> Жуан проваливается вместе с Команд<ором>, Блока уводят какие-то 12 чел. М<ейерхольда> – двое.

(2) (Продолжение)

Вот они и прорвались из балета или из «Другой» в «Триптих». Я уверена, что из текста я их выну, но в каком-то примечании к примечанию они уцелеют. А еще вернее, что они уцелеют в «Прозе к Поэме», если только я найду подходящий прием, чтобы их хоть в каком-нибудь виде оставить. Плохо, конечно, что в таком виде число этих персонажей ничем не ограничено. Каждый может почудиться прохожему в оснеженном волшебном новогоднем окне!

7 декабря 61

(3) Продолжение

Тут можно дать так давно рвущуюся – царскосельскую античность и открытую мною доязыческую Русь (в музыке, живописи – Рерих, в поэзии – Хлебников, «Ярь» и т. д.). Шаляп<ин> может видеть свои похороны (слава).

Многие – свои мансарды, другие... О. – Психея – жизнь с бабочкиными нелетными крылышками в горячем желтом сиянии и с факелом свободных песнопений ведет всех через времена, автор в Фонтанном Доме не спит трехсотую ночь.

(4) Читатели и зрители могут по желанию включить в это избранное общество всех, кого захотят. Напр., Распутина, которому Судьба (в виде шарм<анщика>) показывает его убийство, Вырубову, дипломатов того времени^[75] себя самих, если они достаточно стары. Последний к шарманщ<ику> подходит двойник драгуна. Гаснет свет, и он видит на экране сцену, дважды описан<ную> в моей поэме. (Лестница.)

.....
.....
А внизу за окнами новогодняя ночь. Кому-то несут цветы от Фрейндлиха и торты от Верги и кто-то примеряет жемчуга и благоухает Rose Jacqueminot.

Под окнами Коломбины мечется драгун. (В ворота рядом с ее подъездом входят и выходят маски.)

* * *

*Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистат<ельная> тень.*

Баратынский

<60> Спальня Героини. Горят воск<овые>свечи. Над кроватью три ее портрета в ролях. Она – Козлоногая (справа), она – Путаница (средн<ий>), или Donna Анна (или Коломбина). Портрет в тени один. [Один] Средний из портретов оживает и выходит из рамы. За таким мансардным окном на крыше арапчата играют в снежки. [Автор] Фигура в длинной кружевной шали (спиной к зрителю) [говорит] читает по длинному свитку:

Распахнулась атласная шубка,
Не сердись на меня, голубка.

8 сентября

1962

МАСКАРАД

Новогодняя чертовня

<61> Ужас в том, что на этом маскараде были «все». Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам («Пепел на левом плече»), и приехавшая из Москвы на свой «Нездешний вечер» и все на свете перепутавшая Марина Цветаева, и будущий историк и гениальный истолкователь десятых годов Бердяев. Тень Врубеля – от него все демоны XX в., первый он сам. Таинственный деревенский Клюев и [конечно, фактически не бывший там] заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший как в «Собаку» – Велимир I, и бессмертная тень – Саломея, которая может хоть сейчас подтвердить, что все это [было *так*] – правда (хотя сон снился мне, а не ей), и Фауст – Вячеслав Иванов^[76] и прибежавш<ий> своей танцующей походкой и с рукописью своего «Петербурга» под мышкой – Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина, и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина, [и гремел голос Шаляпина и пролетала лебедь – Павлова] в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шаляпина. Там же иногда пролетает не то царскосельский лебедь, не то Анна Павлова. А уж добриковский Маяковский, наверно, курит у камина. Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не эта Нефертити^[77] работы Модильяни. Вот такой он множество раз изображал меня в египетск<ом> головном уборе в 1911 г. Листы пожрало пламя, а сон вернул мне сейчас один из них. (Но в глубине «мертвых» зеркал, которые оживают и начинают светиться каким-то [демонским] подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшими их будущее – их конец). Последний танец Нижинского, уход Мейерхольда. (Но все это из «Другой», от которой (пора признаться) я прячусь, как умею, и бываю серьезно повреждена, когда она меня настигает.

Но почему она не настигает других? Нет только того, кто непременно должен был быть и не только быть, но и стоять на площадке и встречать гостей... А еще

Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет.

Сочельник. Рождество.

6–7 января 1962. Гавань

III

<62> Петербург тринадцатого года. Лирическое отступление «Воспоминания в Царском Селе». Ветер, не то вспоминая, не то пророча бормочет:

Были святки кострами согреты и т. д.

К IV главе

В промежутки между этими звуками говорит сама тишина:

к I-ой:

Музыкальная шкатулка, не вынеся долгое молчание, начинает петь

или

В тиканье старых лондонских часов слышится: Я зажгла заветные свечи, // Чтобы этот светился вечер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. INTERMEZZO

(Решка)

<63> 5-ое января 1941 г.

Место действия – Фонт<анный> Дом. В окне призрак оснеженного клена. В трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать отдаленные, очень глубокие и умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что в зеркалах, лучше не думать. [Полная великолепная тишина.] Только что пронеслась адская арлекинада 13 года, [но тишина тишину сторожит. О том, что в зеркалах, лучше не думать] разбудив безмолвие великой молчальницы эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому [нарядному] праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, потерянные священные сувениры и т. п. (Впрочем, все, как всегда.)

* * *

<64> Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры.

В печной трубе воеет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что в зеркалах, лучше не думать.

* * *

*...жасминный куст.
Где Данте шел и воздух пуст.*

<65> 5 января 1941 г. Фонтанный Дом. [Ночь.] Окно комнаты выходит в сад, который старше Петербурга, как видно по срезам дубов. При шведах здесь была мыза. Петр подарил это место Шереметеву за победы. Когда Параша Жемчугова мучилась в родах, здесь строили какие-то свадебные [трибуны] галереи для предстоящих торжеств ее свадьбы. Параша, как известно, умерла в родах, и состоялись совсем другие торжества [другого рода]. Рядом с комнатами автора знаменитый «Белый зал» работы Кваренги, где когда-то за зеркалами прятался Павел I и подслушивал, что о нем говорят бальные гости Шереметевых. В этом зале пела Параша для государя, и он пожаловал ей за ее пение какие-то неслыханные жемчуга. Автор прожил в этом доме 35 лет и все про него знает. Он думает, 5 января 41 г., что самое главное еще впереди. Посмотрим:

Примечание: Демон, Калиосто и Третий – участники призрачного маскарада, который пронесся по Первой части «Триптиха» – в ночь под Новый год.

* * *

<66> 3 июля (утро). Опять вернулась поэма. Требуется второй эпиграф к Первой главке:

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз...

Требуется или восстановить Баратынского у Второй главки:

Ты сладострастней, ты телесней,
Живых – блистательная Тень!

Или взять строки 1921:

Пророчишь, горькая, и руки уронила.
Прилипла прядь волос к бескровному челу,

И улыбаешься...

Эпиграф Второй главки переставить на 4-ую:

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен.

Но этого ей мало, требует новой прозы. К Первой главке – что-нибудь в таком роде:

I

Фонтанный Дом. 31 декабря 1940. Старые лондонские часы, которые (пробив по рассеянности 13 раз) остановились ровно 27 лет тому назад, без постороннего вмешательства снова пошли, пробили без четверти полночь (с видом оратора перед началом речи) и снова затикали, чтобы достойно встретить Новый (по их мнению, вероятно, 14-й год). И в эти мгновения автору не то послышалось, не то привиделось все, что за этим следует.

Примечание. Однако по своему английскому происхождению и опять же по рассеянности часы во время [своего] боя [часов] [бормочут] позволили себе пробормотать: «Consecrated candles are burning, I with him who did not returning Meet the year...»^[78]

Как будто кто-то к кому-то когда-то возвращался.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер.

А нынешнюю прозу II перенести в «Примечание редактора».
(Или наоборот.)

В прозе над Эпилогом надо сделать так: после слов «В Шереметевском Саду цветут липы и поет соловей» надо написать:

«Одно окно третьего этажа, перед которым увечный клен,^[79] выбито, и за ним зияет черная пустота».

<ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА> ПРЕДИСЛОВИЕ [О] К ПРИМЕЧАНИЯМ АВТОРА

<67> В отличие от примечаний редактора, которые будут до смешного правдивы, примечания автора не содержат ни одного слова [правды] истины, там будут шутки, умные и глупые, намеки, понятные и непонятные, ничего не доказывающие ссылки на великие имена (Пушкин) и вообще, все что бывает в жизни, главным же образом строфы, не вошедшие в окончательный текст, напр. блуждающая в списке 55 г. строфа:

А за правой стеной, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре в зеркальную ночь —
Старый друг не спит и бормочет,
Что теперь больше счастья хочет
Позабыть про царскую дочь.

(И Лерм<овское> прим<ечание>: Едет царевич...) При этих строфах будет написано невесть что...

* * *

<68> Сотрудник [nomina sunt odiosa]^[80] извлек из «розовой папки» четыре строчки (почерк не Ахматовой) явно не имеющие никакого отношения к «Поэме без героя», и безуспешно старался (см. его доклад. С. X) убедить читателей, что строки:

От меня, как от той графини,
Шел по лестнице винтовой,
Чтоб увидеть рассветный, синий

Смертный час над [страшной] зимней Невой —

должны находиться где-то в тексте, даже как-то связаны с архивной находкой.

* * *

<69> X) СЕДЬМАЯ – Ленинградская симфония Шостаковича.

XI) Недавно в одном из архивов Ленинграда был обнаружен листок, на котором находятся шесть стихотворных строк – по-видимому – это строфа из «Решки». Приводим для полноты и эти довольно бессвязные строки:

Полно мне леднеть от страха,
Лучше кликну «Чакону» Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится двадцатый век.

Говорят, что после этой находки автор попросил прекратить поиски пропущенных кусков поэмы, что и было исполнено.

М. Б. ПРИМЕЧАНИЕ

<70> Героиня Поэмы (Коломбина) вовсе не портрет О.А. Судейкиной. Это скорее портрет эпохи – это 10-ые годы, петербургские и артистические, а так как О.А. была до конца женщиной своего времени, то, вероятно, она все же ближе к Коломбине.

(Остальное в моих записках.)

Такова же Ольга на портретах С. Судейкина (см. Коломбина и Путаница). Говоря языком поэмы, это – тень, получившая отдельное бытие, и за которую уже никто (даже автор) не несет ответственности. Внешне она предельно похожа на Ольгу.

ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АВТОРА

А какой-то еще с тимпаном
козлоногую приволок

<71> Некто вернувшийся из тех мест, где стихи запоминают наизусть, принес две неизвестно кем сочиненные строфы и маловероятную новеллу, которую я не стану пересказывать.

<...>

Текст

I

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В светлых локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна
Словно с вазы чернофигурной,
Прибежала к волне лазурной
Так [нарядно] парадно обнажена.

II

А за ней в шинели и в каске^[81]
[Ты – царевич из древней сказки,
Ты – солдатик из детской сказки]
Прибежавший сюда без маски,
Что тебя сегодня томит?
Столько горечи в каждом слове,
[Честный друг ты и раб любви]
Столько срама в твоей любви.
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

Дальше будто бы была еще одна строфа – совершенно волшебная, но полусмытая океанской водой, попавшей в бутылку, в которой якобы приплыла рукопись поэмы.

(Рукопись в бутылке! – пошловато. Ну, ничего! – В крайнем случае сойдет^[82]).

Куриозно, что за границей не поверили, что поэма – моя. Вероятно, Фил<иппов> приводит показания Ч<апского> <крестного> о том, что я читала ее в Ташкенте.

* * *

<72> <...> X) Откуда-то выпала бумажка и на ней: («РЕШКА»)
Va.

И особенно если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду – город в огне
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

И еще: (Из «Эпилога»)

Все, что сказано в первой части
О любви, измене и страсти
Превратилось сегодня в прах.
И стоит мой город зашитый...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных его очах.

XI) СЕДЬМАЯ – Ленинградская симфония Шостаковича. Первая часть этой симфонии вывезена автором на самолете из осажденного города (1 октября 1941).

МАРИНА ЦВЕТАЕВА – АННЕ АХМАТОВОЙ

Москва, 26-го русского апреля 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна!

Так много нужно сказать – и так мало времени! Спасибо за очередное счастье в моей жизни —. Не расстанусь, и Аля не расстанется. Посылаю Вам обе книжечки, надпишите.

Не думайте, что я ищу автографов, – сколько надписанных книг я раздарила! – ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму – под подушку!

Еще просьба: если Алконост возьмет моего «Красного Коня» (посвящается Вам) – и мне нельзя будет самой держать корректуру, – сделайте это за меня, верю в Вашу точность.

Вещь совсем маленькая, это у Вас не отнимет времени.

Готовлю еще книжечку: «Современникам» – стихи Вам, Блоку и Волконскому. Всего двадцать четыре стихотворения. Среди написанных Вам есть для Вас новые.

Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас! – Если были бы журналы, какую бы я статью о Вас написала – Журналы – статью – смеюсь! – Небесный пожар!

Вы мой самый любимый поэт, я когда-то – давным-давно – лет шесть тому назад – видела Вас во сне, – Вашу будущую книгу: темно-зеленую, сафьяновую, с серебром – «Словеса злотые», – какое-то древнее колдовство, вроде молитвы (вернее – обратное!) – и – проснувшись – я знала, что Вы ее напишете.

Мне так жалко, что все это только слова – любовь – я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли.

Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть. «И шпор твоих легонький звон», – это нежнее всего, что сказано о любви.

И это внезапное – дико встающее – зрительно дикое «ярославец». – Какая Русь!

Напишу Вам о книге еще.

Как я рада им всем трем – таким беззащитным и маленьким!
Четки – Белая стая – Подорожник. Какая легкая ноша – с собой!
Почти что горстка пепла.

Пусть Блок (если *он* повезет рукопись) покажет Вам моего
Красного Коня. (Красный, как на иконах). – И непременно напишите
мне, – больше, чем тогда! Я ненасытна на Вашу душу и буквы.

Целую Вас нежно, моя страстнейшая мечта – поехать в
Петербург. Пишите о своих ближайших судьбах, – где будете летом, и
все.

Ваши оба письмеца ко мне и к Але – всегда со мной.

М.Ц.

Георгий АДАМОВИЧ НА ПОЛЯХ «РЕКВИЕМА» АННЫ АХМАТОВОЙ

При чтении «Реквиема» вспоминаются фетовские слова о небольшой книжке, «томов премногих тяжелей». Замечательна эта книжка в двойном смысле: и как литературное произведение, то есть как стихи и как документ, относящийся к одной из самых темных в истории России эпох. Двойственность впечатления, однако, исчезает, едва почувствуешь, что будь стихи Ахматовой не так остры, не так убедительны, их идейное и моральное содержание, в общих чертах знакомое, не казалось бы открытием, и наоборот, если бы стихи говорили о другом, то не вызвали бы отклика, выходящего далеко за пределы эстетического и художественного удовлетворения. О большевизме, о сталинском его периоде, о русской революции вообще написаны сотни исследований. Каждому из нас приходилось подолгу думать обо всем, что произошло в России – или, вернее, что произошло с Россией – в последние полвека. Однако особенность поэтического подхода к событиям и явлениям в том и состоит, что о них как будто впервые узнаешь. Впервые и во всяком случае по-новому, иначе, чем прежде, ужасаешься тому, о чем давно знал. Одно незаменимо-четкое слово, одна интонация, безошибочно точно соответствующая продиктовавшему ее чувству – и читателя будто кто-то берет за плечи, встряхивает, будит, заставляет с неотвязной настойчивостью спросить себя: как же могло все это случиться? Кто несет за случившееся ответственность?

Как могло все это случиться? Вопрос, родственный тому, который в русской литературе поднят был еще Карамзиным после кровавых робеспьеровских попыток установить раз навсегда, какой бы то ни было ценой, равенство и справедливость и вслед за Карамзиным, с сочувственным упоминанием его имени, затронутый Герценом в «С того берега». Вопрос общий, поистине «проклятый», потому что ответить на него можно было бы, лишь объяснив, почему идеи и принципы по существу приемлемые, в замысле своем подлинно

альтруистические приводят к жесточайшему насилию. Ответы шаблонные, ленивые известны. Историческая, мол, необходимость: лес рубят, щепки летят и прочее – вздор, отговорки, самоубаюкивание для более безмятежного перехода к очередным делам. Даже догадка – увы, увы, правдоподобная! – о том, что ни равенства, ни справедливости человек не хочет, что мечтает о них человек, лишь пока по состоянию своему находится ниже средней общественной черты, а едва над ней поднявшись, теряет к спуску всякую склонность, – словом, о том, что мир есть джунгли, и что человек в глубине души своей безотчетно озабочен не столько необходимостью уничтожения джунглей, сколько стремлением самому стать в них тигром, и что, значит, насилие над эвентуальными тиграми неизбежно, – даже она, эта догадка, нужного ответа не дает. Есть что-то метафизически ускользающее от разума в печальной судьбе всех социальных идеалов. На крайность с этим можно было бы примириться, если бы их проверка оставалась теоретической. Проверка практическая обходится что-то чересчур дорого, «не по карману», как сказал бы Иван Карамазов.

Наш русский исторический опыт – тот, который нашел горестное лирическое отражение в «Реквиеме», – не похож ни на какой другой. Впрочем, в истории, как в жизни, все индивидуализировано, а схемы с общими линиями и будто бы непреложными законами возникают в воображении людей позднее, когда мало-помалу исчезают, стираются неповторимые черты каждого умчавшегося года. «Смерть и время царят на земле», по Соловьеву. Можно было бы добавить: случай царит на земле – и царит самодержавно, без каких-либо конституций.

У исторического случая, на который отозвалась Ахматова, есть имя: Сталин, сталинизм, сталинская жестокость, его азиатская подозрительность, его статическое восприятие действительности с вытекающим из этого безразличием к отдельным существованиям, единицам в отвлеченных выкладках и таблицах. А вокруг и в ответ исторической случайности – то есть того, чего могло бы и не быть, – пышный, отнюдь не случайный расцвет всего, что ей психически соответствовало, расцвет угодничества, беззастенчивого карьеризма с необходимыми для успеха карьеры подножками, с малодушием, лестью, юркостью, пронируемостью. Вокруг и в ответ случайности – разгул опричнины, пробуждение зверя, дремавшего в сознаниях. Не

будь подходящих условий, зверь продолжал бы спать и носители его умерли бы, вероятно, почтенными, уважаемыми старцами, иные даже столпами общества, примером молодежи, и никто бы не знал, на что они способны. (Что-то подобное сказал незадолго до смерти Наполеон об изменивших ему маршалах, но не в плане жестокости, а именно в плане малодушия и низости.)

Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был, —

пишет Ахматова.

К «несчастью». Было ли несчастье заложено в самом ходе событий как нечто неотвратимое? Можно ли было предвидеть его размеры, его остроту и длительность? Нет, конечно. Карамзинский вопрос, может быть, по-новому и возник бы, да и должен был возникнуть уже при Ленине. Но продержавшаяся тридцать лет смесь марксизма с чингисхановщиной есть историческая случайность, и, оглядываясь на нее, приходишь к мысли, что самое страшное в так называемом «культе личности» есть не самая «личность», а именно «культ» ее. Потому что культ – явление повторное, с чертами российской, «русской» органичности, и обнаруживается это и в наши дни. Культ подделывается к личности, отражает ее свойства, в раболепном усердии усиливает их, забегает вперед, заранее со всем соглашаясь, всем восхищаясь, не говоря уже о том, что всё оправдывая. В соответствии с чудовищным духовным обликом данной «личности» достался в удел России и чудовищный «культ». И, думая теперь о России, недоумеваешь: как люди смотрят там друг другу в глаза – те именно люди, которые в слезах умиления, с дрожью восторга в голосе благодарили вождя и учителя за счастливую жизнь?

Дает себя, вероятно, знать круговая порука: все мы были хороши, нечего, значит, и корить один другого! Но, во-первых, не все, и ахматовская книжка лишний раз об этом напоминает. А во-вторых, есть ведь молодежь, по возрасту своему испытания не знавшая и обманчиво или нет считающая, что она лучше выдержала бы его, чем отцы: что она об этих отцах думает, какое может хранить к ним доверие, какое уважение? Советская печать настойчиво отрицает

наличие конфликта поколений. Но этого конфликта не может не быть. Не может быть, чтобы дети смотрели на «промотавшихся» и самих себя разоблачивших отцов без горькой усмешки, даже если и примешивается к их чувству доля жалости.

«Реквием» вышел за рубежом и советскому «широкому читателю» остается до сих пор неизвестен. По слухам, ахматовский сборник будет вскоре издан в Москве и возможно, что произойдет это раньше, чем строки эти появятся в печати. Формально никаких препятствий к опубликованию «Реквиема» в СССР, по-видимому, нет. Наоборот, так же как нашумевшая повесть Солженицына и другие произведения, правдиво рассказывающие о бедственных сталинских годах, стихи Ахматовой совпадают с теперешней правительственной линией. Но впечатление они, вероятно, произведут ошеломляющее. Одно дело – сухое перечисление фактов, хотя бы долго скрывавшихся, другое, совсем другое – творческое восстановление горя, страдания и незащитности, убедительно заставляющее читателя не просто узнать, а пережить то, о чем говорит автор. Как можно было это терпеть? Как забыть все испытанное? Как предотвратить возможность повторения? Ахматова никаких вопросов не ставит, но стихи ее должны бы такие вопросы вызвать настойчивее и мучительнее самых красноречивых докладов и разоблачений. Если Россия сейчас мало-помалу пробуждается от многолетнего наваждения, «Реквием» должен бы оказаться одним из толчков к тому, чтобы очнулась она окончательно.

Во вступительном четверостишии к сборнику Ахматова с удовлетворением и, по-видимому, даже не без гордости говорит о том, что народа своего в несчастье она не бросила.

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл —

была она в эти годы.

Тема для автора «Реквиема» не новая. Больше сорока лет тому назад, в самом начале революции, Ахматова писала о «голосе», который звал ее «оставить Россию навсегда», и о том, что той «речи недостойной» она не стала и слушать. С тех пор, значит, она своего убеждения и своих антиэмигрантских настроений не изменила.

Ни возражать Ахматовой, ни спорить с ней я не буду. Единственное, что представляется мне необходимым сказать, это, что в исторической драме, участниками или свидетелями которой нам довелось быть, каждый вправе был истолковать свой долг по-своему, а суд над всеми нами принадлежит будущему. Едва ли среди эмигрантов было много людей, ни разу не задумавшихся о правильности, о моральной оправданности сделанного выбора. Однако и среди оставшихся в России должны были возникнуть сомнения. В самом деле, столько тут есть доводов «за» и «против», притом таких доводов, к которым забота о личном благополучии не имеет ни малейшего отношения! Нельзя в вопросе настолько сложном и внутренне противоречивом рубить сплеча, и если ни у кого из нас, надеюсь, нет склонности кичиться тем, что мы эмигранты, то нет и стыда, этим положением вызванного. Эмиграция кончается, доживает свой век, нечего закрывать себе на это глаза. В целом она оказалась достойна своего назначения, своего имени, своей культуры, своей страны, своего народа, и теми русскими поколениями, которые придут после нас, это, наверно, будет признано. Россия – понятие не географическое и уж никак не политическое: эмиграция в прошедшие сорок пять лет была неотъемлемой частью России и напомнила, сказала многое, о чем сказать было необходимо и что в московских условиях замалчивалось, отрицалось или осмеивалось. Мы совсем не оттого прожили свою жизнь и, конечно, умрем на чужой земле, что предпочли быть «под защитой чуждых крыл». Не оттого и не для того. Я уверен, что Ахматова это понимает. Если она утверждает, что выбор ее был продиктован ей совестью, то должна бы признать, что без всяких сделок с совестью можно было счесть единственно верным и другое решение.

О стихах «как таковых» поговорить следовало бы особо. Но «Реквием» – книга, не располагающая к оценке формальной и к критическому разбору обычного склада. Есть в этой книге строчки, которых не мог бы написать в наши дни никто, кроме Ахматовой, – да, пожалуй, не только в наши дни, а со смерти Блока. Но само собой при первом чтении вклад в русскую историю заслоняет значение «Реквиема» для русской поэзии, и пройдет немало времени, прежде чем одно удастся отделить от другого.

Впервые: Мосты. Мюнхен, 1965. № 11.

---

notes

Примечания

К версии о подсознательном выборе названия поэтического направления Ахматова относилась как к фантастической выдумке, но вообще воспоминаниям Владимира Алексеевича Пестовского (1886–1940), известного в литературе как «В. Пяст», сочувствовала.

Мой прекрасный Сан Джованни. *Данте (итал.)*

3

Пышное торжество (*фр.*).

4

Ты не можешь оставить свою мать сиротой. *Джойс (англ.)*

О богиня, которая владычествует над счастливым островом Кипром и Мемфисом... *Гораций (лат.)*. – *Ред.*

6

Здравствуй, царица! (*лат.*)

7

Бог хранит все (*лат.*).

Антиной – античный красавец. (*Прим. ред.*)

Траурный марш (*фр.*).

Путаница-Психея – героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.

Канун Крещенья: 5 января.

Смеяться перестанешь раньше, чем наступит заря. Дон Жуан
(ит.).

Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы жжет?

(«Новогодняя баллада», 1923).

(Здесь и далее под строкой примечания А. Ахматовой.
Примечания составителя оговорены особо.).

Дапертутто – псевдоним Всеволода Мейерхольда.

Иоканаан – святой Иоанн Креститель.

Три «к» выражают замешательство автора.

Долина Иосафата – предполагаемое место Страшного Суда.

Лизиска – псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.

Мамврийский дуб – см. *Книгу Бытия*.

Хаммураби, Ликург, Солон – законодатели.

Ковчег Завета – см. *Библию*.

Зал – Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора.

«Собака» – «Бродячая собака», артистическое кабаре десятых годов.

Содомские Лоты – (см. *Бытие, гл.*).

Фонтанный грот – построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца; был разрушен в начале десятих годов.

Чего хочет от меня мой принц Карнавал? (*фр.*).

Коридор Петровских Коллегий – коридор Петербургского университета.

Петрушкина маска – «Петрушка», балет Стравинского.

«Голубица, гряди!» – церковное песнопение; пели, когда невеста вступала на ковер в храме.

Мальтийская капелла – построена по проекту Кваренги в 1798–1800 гг. во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором потом помещался Пажеский корпус.

Скобарь – обидное прозвище псковичей.

Музы.

В моем начале мой конец. *Т.-С. Элиот (англ.)*.

Soft embalmer (*англ.*) – «нежный утешитель» – см. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»).

Баута – в Италии – маска с капюшоном.

Романтическая поэма.

Звездная Палата – тайное судилище в Англии, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.

Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения..

См. знаменитое стихотворение Шелли «To the skylark» (*англ.*). – «К жаворонку».

Георг – лорд Байрон.

Клара Газуль – псевдоним Мериме.

Марс летом 1941 г.

Волково Поле – старое название Волкова кладбища.

Куда идешь? (*лат.*).

О богиня, которая владычествует над счастливым островом Кипром и Мемфисом... *Гораций (лат.)*. – *Ред.*

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя «Седьмая»,
На неслыханный мчалась пир...
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

«Седьмая» – Ленинградская симфония Шостаковича.

Первую часть этой симфонии автор вывез из осажденного города 29 сентября 1941 г.

46

Кусок письма кто-то сжег.

После полудня (*фр.*).

Навсегда под рожденной ею музыкой, как могила под горой
ЦВЕТОВ.

См. экземпляр с портретом работы Тышлера. Это [первый] второй набросок балета. (После предисловия).

Сознаюсь, что второй раз он попал в Поэму (III-я плавка) прямо из балетного либретто, где он в собольей шубе и цилиндре, в своей карете провожал домой Коломбину, когда у него под перчаткой не оказалось руки.

Как Плутарх, который начинает с мифич<еских> времен и кончает своим дядей или дедом, дружившим с поваром Антония.

Который, несмотря на то, что сладостно связан с ней музыкой, никак в ней не отразился.

Почему второе – мне больше нравятся нечетные цифры, почему не третье и не седьмое. Как Вам кажется – седьмое?

Планы Белкина.

Все права сохранены (*англ.*).

По лучшую сторону сорокалетия (*фр.*).

Почему? (англ.)

Так произошло на днях с куском:
«Кто-то с ней «без лица и названья»

.....
А теперь прощаться пора!»
И «Портрет Козлоногой».

Еще в Ташкенте (Ш<ток>) говорил, что поэма похожа на большие старинные башенные часы с сложнейшим механизмом (Horloge). Не то ли это?

Эта книга может быть читаема как поэма или пьеса в стихах
(англ.).

Питер Вирек. Дриада (*англ.*).

И не потому, что я верю, что он, Борис, так думал. Он ничего не думал о чужих стихах. Он просто забывал их ровно через 5 минут, но уж очень у него по его гениальности прелестно сказалось. (Я, грешница, тоже забыла, но мне напомнила в этом году Л. Чуковская).

То мертвому ли сладостный укор?

Вар<иант>. За пятак чрез Неву на салазках.

Такой судьбы еще не было ни у одного поколения (в истории), а м.б. не было и такого поколения. 20-ые годы, которыми теперь принято восхищаться<ся> – не то – это сила инерции. Блок, Гумилев, Хлебников умерли почти одновременно. Ремизов, Цветаева и Ходасевич уехали за границу, там же были Шаляпин, М. Чехов, Стравинский, Прокофьев и 1/2 балета (Павлова, Нижинский, Карсавина). Наука потеряла Ростовцева, Бердяева, <далее одна фамилия зачеркнута и обозначена тремя звездочками>, Вернадского. Б. Пастернак примолк после гениальной книги лета 1917 (вышла в 1921), растил сына, читал толстые книги и писал свои 3 поэмы. У Манд<ельштама>, по словам Нади, было удушье, к тому же он был объявлен бриковским салоном – внутренним эмигрантом, Ахм<атова> была кое-как (с 1925 г.) замурована в первую попавшуюся стенку.

Тут бы хорошо взять байроновское: «Место, где вас забыли и которое вы никогда не забудете» (Alma mater), (Кажется, «Беппо»).

«Мне казалось, что мы пишем ее все вместе».

Невесты, скромницы (*фр.*).

То ли дело М.Ц<ветаева> – у нее голос матери, сестры (?) и т. д.

Но все при этом твердят одно и то же: «Музыка, музыка, музыка...»

Боги судили иначе (*лат.*).

Стоят бешеных денег (*фр.*).

Русский танец, пригрезившийся Дебюсси (*фр.*)

Горит священные свечи, я встречаю Новый год с тем, кто не пришел (*англ.*).

Из страны... незнакомой, дальней
слышно пенье петуха.

«Есть, Фауст, казнь...» В городских фото того времени (напр., Невский) какая-то черноватость и все убого.

[А] для Н<иколая> С<тепановича> я была чем-то средним между Семирамидой и Феодорой. (А еще Дева Луны в «Пути конквистадоров»). Мои атрибуты всегда – Луна и жемчуг. («Анна Комнена»). У Амед<ео> наоборот: он был одержим Египтом и поэтому ввел меня туда.

Горит священные свечи, я встречаю Новый год с тем, кто не пришел (*англ.*).

Клен – см. портрет Осмеркина – «Белая ночь».

Nomina sunt Odiosa (лат.) – об именах лучше умалчивать, или имен называть не следует.

(Примечание) переводчика на – ский язык рукописи, найденной в бутылке):

По наведенным сведениям драгуны носили не каски, а кивера. Но некоторые уверяют, что автор поэмы – дама. Хотя я лично этому не верю, но одно такое предположение делает извинительной эту ошибку.

Прим<ечание> уже черт знает кого.